Незамкнутый круг

Вячеслав Зорин

SHOUT
SHARE
IT

- Незамкнутый круг
  - ■ Вячеслав Зорин
  - НЕЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Незамкнутый круг

Вячеслав Зорин

Не вернувшимся из гастролей посвящается...

НЕЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Предупреждения

1. Настоящее творение создалось так: дело было на службе, делать было нечего. Написано оно по мотивам одного мероприятия. И оно не является хронологическим описанием жизни "День за днем", хотя, на первый взгляд, так оно и покажется.

Просто было взято первое, пришедшее на ум, мероприятие из жизни первых, пришедших на ум, замечательных людей, да и использовано в виде первосюжета. Все, что получилось, представляет собой просто вариации на тему.

Писалось все это, писалось, да и написалось. А писалось так. Пишу, пишу, ну, думаю, пора кончать это безобразие, самое время. Но тут опять случилось так, что дело было на службе, и делать было нечего. И все продолжилось. А кончилось все очень хорошо: когда я писал последнюю фразу, в стержне кончилась паста, а другого стержня у меня не было. И я подумал: это конец! Так оно и оказалось.

2. Краткое содержание: группа замечательных людей как-то летом отправилась из Города-героя в Вологодскую область, побыла там некоторое время и вернулась обратно в Город-герой. И ничего из ряда вон с ними там не произошло. Они не видели ни одного неопознанного летающего объекта, ни одного лешего и ни одного народного целителя, они не находили клада в виде кошелька директора КБ без названия, они никого не трогали, и их никто не трогал, они не участвовали в ударных стройках, ничего не сотворили, но ничего и не разрушили, они не знакомились с другими замечательными людьми, удовлетворясь собственной замечательностью.

И вообще, во всей этой истории нет ни одного трупа и. ни одной любовной сцены, а сами замечательные люди: не были, не участвовали, не имели и не привлекались.

Просто взяли, и поехали в Вологодскую область.

С кем не бывает?

3. Это было давно.

4. Фамилии и имена в настоящем произведении использованы те, которые первыми пришли мне в голову, и я не задумывался над тем, какими они окажутся, подлинными или вымышленными. Это

не имеет никакого значения. Я бы мог назвать замечательных людей не так, как назвал, а совсем иначе. Я бы мог, к примеру, дать им фамилии Иванов, Петров, Сидоров, Жолик и Могилкин (есть такие фамилии!), если бы они первыми пришли мне в голову, и от этого ничего бы не изменилось. Так что, кое-кто здесь может себя узнать и удивиться. А кто-то может себя не узнать и тоже удивиться. Удивляйтесь себе!

В общем, если вы дошли до этой строчки, и дело вечером или на службе и делать вам нечего, то переворачивайте страницу и - вперед!

NB: Все в этой книжке с первого до последнего слова написано в период с 1980 г. по 1982 г., поэтому к замечаниям типа "Это было давно" или "Вот как давно это было!" следует относиться должным образом (В. З. 1993г.)

Часть I

"Бывали дни веселые..." (Из песни.)

---

1. Вначале было слово...

...И мы купили билеты.

Вначале было слово. И не одно. И эти слова говорил Майк.

- Вячеслав, - говорил он мне, - поедем на гастроли! На гастролях в кайф! Поедем, чего там! И башли!

Я думал, думал и, наконец, надумал: в самом деле, чего там! И деньги.

- Поехали, - согласился я. - А куда?

В случаях подобных авантюр в первую очередь приходится выяснять три главные вещи: а) есть ли там аппарат; б) насчет жилья; и в) бьют ли там морды.

Майк предложил ехать в Молдавию и объявил, что с жильем мы там как-нибудь да устроимся, что морды там, вроде бы, не бьют, но аппарата нет. А это означало, что ехать туда надо со своим аппаратом, которого у нас нет вовсе. А достать в наше загадочное время аппарат - это вам не водки купить после 24.00. Тут головой думать надо. И здоровье надо иметь.

В общем, желание ехать в какую-то Молдавию (может быть, ее и вовсе нет; "каберне" молдавского производства еще не доказательство) таяло, выражаясь поэтически, на глазах и, наконец, растаяло.

Идея поездки оказалась на грани кончины.

И только я, падая обратно в леность и инертность, подумал, ну и хорошо, ну и ладно, как снова было слово. И его опять сказал Майк.

- А давай поедем в Вологодскую область, - сказал он. - В *Пестово*.

- Что?! - закричал я. - Пестово! Ах!

Пестово! Серая крапина в голубых воспоминаниях детства! Все стало ясно.

- Нет, - сказал я, - мы поедем в поселок имени товарища Ж.., это недалеко от Пестово. Кстати, нас туда как-то приглашали. И как это я раньше ...

И я стал расписывать Майку все преимущества поселка имени т.Ж.. перед всеми остальными поселками РСФСР.

- А какие там места! - говорил я. - Ах, какие там места! А

какие там родственники! Ах, какие там родственники! И с жильем не будет проблем, и морды там по знакомству не бьют, и аппарат есть, и завклубом знакомый! Да ведь я там все детство провел! Меня там каждый камень знает!

- Места - местами, - сказал Майк, - а как там насчет башлей?

- Все в порядке, - ответил я. - Тут в Городе-герое живет один мальчик Витя, он из поселка имени т.Ж.., и я его знаю. И мы уже с ним говорили как-то и именно по этому поводу. Давно, правда. И он сказал, что рублей по триста мы привезем.

- Триста... - засомневался Майк. - Что это за деньги, триста?

- Ну, рублей по сто, это точно, - уверенно сказал я.

- Ну, это совсем другое дело! - сказал Майк. - Что же ты раньше молчал? Или, может быть, все же в Пестово?

- И в Пестово заедем, - согласился я. - Это же раз плюнуть: сел на автобус - и в Пестово!

И я его не обманул. Вот спросите у Майка, был он в Пестово? И он скажет: был.

В общем, решили мы ехать в поселок им. Ж..

И стали подбирать себе компанию.

Ехать в Вологодскую область и играть там на бас-гитаре согласился человек, которого мы назовем Толиком. Он согласился сразу, и это было очень неожиданно, потому что Толик отчего-то был всегда занят. Ему хотелось играть на бас-гитаре, но было некогда, потому что он учился в университете и воспитывал годовалое чадо. Ему хотелось учиться в университете и воспитывать годовалое чадо, но было некогда, потому что он играл на бас-гитаре. Ему всегда было некогда, и вдруг он согласился. Я ему говорил:

- Толик, ах, какие там места! Воздух, грибы! Отдохнем, поиграем! И башли!

На что Толик ответил:

- Башли - это да! А что касается грибов и воздуха, то я в этом году уже отдыхал, собирал грибы и дышал. А теперь работать надо! Надо работать! У меня и так мало времени, и я не могу себе позволить два раза в год собирать грибы и дышать воздухом. Играть - да! Работать надо! Поехали!

Играть на барабанах согласился человек, которого мы будем звать так: Плоткин С. Он, правда, сильно засомневался, что из грядущих гастролей может что-нибудь получиться, зная меня и Майка, но грибами и воздухом соблазнился.

Но раньше всех ехать с нами в Вологодскую область согласился мальчик, которого у нас будут звать Володенькой. Володенька умел не только держать в руках скрипку, но и даже водить по ней смычком.

Среди прочих, у Володеньки было одно замечательное качество. Его можно было поднять среди ночи и сказать: "Володенька, едем сейчас в Хабаровск-Камчатский!" И Володенька на это улыбнулся бы и сказал: "Едем, только я маму предупрежу, что не буду завтра ночевать дома, так как уехал в Хабаровск-Камчатский". А уже потом он может спросить: зачем? А может и не спросить. И, раз уж мы начали про Володеньку, хочется остановиться еще на одной его особенности.

Вообще-то, Володенька был почти непьющим человеком. Нельзя, конечно, сказать, что он вовсе в рот не брал никаких таких напитков, но и нельзя сказать, что он был таким, как, скажем... Кто бы? Но я не об этом. Володенька никогда не отказывался чего-нибудь выпить, но угощался он, как правило, меньше других. Это - как правило, но у каждого правила бывают и исключения. Что это за правила без исключений?

А особенность Володеньки проявлялась как раз в этих исключительных случаях, и состояла она в том, что напитки на Володеньку оказывали действие не так, как на всех людей. Например, никто его не видел *слегка* выпивши. Это когда человек находится в здравом уме, крепко стоит на ногах, но по каким-то, едва уловимым признакам все же вид но, что он недавно чего-то такого попробовал. Никто также не видел Володеньку *просто* выпивши. Это когда человек находится почти в здравом уме, ходит почти прямо, и его без слов пускают в метро. Никто, наконец, не видел Володеньку *сильно* выпивши. Это когда человек твердо верит, что находится более чем в здравом уме, говорит притчами, близок к просветлению, ходит очень прямо и очень твердо, удивляясь при этом тому, что земля под ним дрожит и дергается, а окружающий мир уплывает куда-нибудь вверх и вбок, обнажая свою иллюзорность. Володенька никогда не говорил притчами и не пытался проходить сквозь стены, он не опрокидывал шкафов и не принимал чужую жену за свою, а свою за чужую.

За столом Володенька молчит и улыбается. Все угощаются, и он угощается. Все еще находятся в здравом уме и крепко сидят на стульях, но, по каким-то едва уловимым признакам, все же, видно, что они уже что-то такое выпили. А Володенька остается таким, каким был, он улыбается и ест салат, который оказался к нему ближе всего остального. Все сидят за столом и угощаются. И Володенька угощается. Когда все находятся почти в здравом уме и сидят на стульях уже не так твердо, как им хотелось бы, Володенька продолжает улыбаться и есть салат. Он улыбается и ест салат и тогда, когда все вокруг говорят притчами, а окружающий мир уплывает в разных направлениях, обнажая свою

иллюзорность.

Когда угощение кончается, все поднимаются и идут одеваться. Володенька тоже поднимается и идет одеваться.

И вот, одевшись, все обнаруживают, что до своего пальто Володенька не дошел. Вернее, дошел, но снять с крючка его не успел, так как скоропостижно уснул рядом со своими ботинками с улыбкой, выражаясь поэтически, на устах. Шел-шел, а потом взял, и уснул. И, конечно, мысли вроде "ах, какая вчера случилась лажа" по утрам Володеньку не донимали. И, вообще, он был не просто так, а мастером спорта по стрельбе из лука.

Итак, все было решено.

Едем в Вологодскую область! Будем там играть рок-н-роллы, собирать грибы и дышать лесным воздухом. Потом, предполагалось, нас немного поносят на руках, закидают деньгами, и мы вернемся домой усталые, но довольные.

И мы купили билеты.

* * *

2. Автобус отбывал через десять дней...
...И все высыпали на палубу.

Автобус отбывал через десять дней.

У Майка выдался отпуск, и он уговорил меня поехать раньше назначенного срока, чтобы не терять время даром.

К нам, естественно присоединился Володенька. Толик и Плоткин С., каждый по своим причинам, решили не спешить и дожидаться срока, указанного в билетах.

Через пару дней, с утра пораньше, Майк, Володенька и я собрались на автовокзале на Обводном.

Володенька явился в полном снаряжении: сумка с вещами первой необходимости, чехол со скрипкой, чехол с луком и колчан со стрелами. Это мы уговорили его взять лук. Чего только не сделаешь в припадке здорового коллективизма!

- Конечно, надо брать с собой лук! - сказали мы ему. - Что ты? Как же можно там без лука? Там без лука никак нельзя! А уток, которых там больше, чем собак нерезаных, из чего мы будем стрелять? И вообще, какой же ты мастер спорта по стрельбе из лука, если у тебя не будет лука, стрелять из которого ты мастер?

Володенька поулыбался, пожал плечами и согласился, что без лука в Вологодской области делать нечего.

Да, но кто мог знать, что этот лук окажется таких размеров?

На Обводный мы приехали с Володенькой вместе, с

Васильевского острова, и, так как была страшная рань, пришлось остановить мотор. В мотор поместились все, кроме лука. Через несколько минут выяснилось, что лук явно больше "Волги". Как мы его, в конце концов, пристроили, уже не помню. Как-то по диагонали.

В общем, Володенька был вооружен до зубов.

После двухчасового стояния в очереди в билетную кассу мы обменяли свои билеты на ближайший подходящий нам автобус.

Ближайший автобус отбывал через несколько минут.

Через несколько минут мы и отбыли.

Свершилось!

Начался переход в другую систему координат. Приспосабливаясь к новым пространствам, время начало удлиняться и изгибаться, стараясь замкнуть свое старое начало с новым концом, и грядущий день от этого в какой-то момент потерял точку отсчета, и потом, найдя ее, нашел себя несколько длиннее обычного.

Но мы не знали этого и со временем решили обойтись по-своему.

Чтобы сократить его и избежать мучений, мы с Майком скушали по таблетке димедрола, запив его сухим вином, которое у Майка обнаружилось в количестве 0,75 л. Володенька, как спортсмен, кушать димедрол отказался, и поэтому ему пришлось отведать унылости дороги и скуки, так как общаться с нами скоро стало почти невозможно.

Последующие восемь часов пути вспоминаются мне теперь, как какой-то занудный сон. Бывают такие сны - что-то такое повторяется несколько раз, будто запустили кинокольцовку.

... Мелькают деревья за окном, покачивает. Остановка. Вокзальный сортир. Буфет с кислым пивом. Снова мелькают деревья и снова покачивает, снова остановка, вокзальный сортир и буфет с кислым пивом. И опять покачивание, сортир, буфет, деревья, сортир, буфет, покачивание...

К концу пути мы начали приходить в себя.

Взбодриться было нечем.

Впрочем, по нашим скромным предположениям, нас ожидал оркестр, цветы, корреспондент местной газеты под редким названием "Вперед", толпа фанов и банкет за чужой счет.

Все это сладостным щекотанием отдавалось в животе и вселяло надежду.

Организовать все это должен был тот самый мальчик Витя, который обещал нам тристарублевый доход от гастролей. По окончании средней общеобразовательной школы Витя приехал в Город-герой, получил в нем лимитную прописку, окончил ПТУ и

сделался сварщиком. Наш приезд в поселок им. Ж.. приходился на последний день Витиного отпуска.

По слухам, дошедшим до нас перед отъездом, Витя был оповещен о прибытии в его родной поселок группы замечательных людей. И еще ему, вроде как, были даны надлежащие инструкции.

Выражаясь поэтически, ожидание нового переполняло и выплескивалось. Мы уже начинали ерзать в надоевших креслах и вглядываться вперед, не блеснет ли за следующим поворотом в лучах вечернего солнца труба, начищенная до блеска по случаю праздника, не послышатся ли крики "ура" в сопровождении залпов, вырывающихся с насыщающей пеной из бутылок с Советским шампанским вином...

Наконец, было объявлено, что следующая остановка - наша...

Все любят ездить за город. На дачу. У кого есть. А у кого нет, не на дачу, а просто так. С товарищами. И в одиночку.

Почему любят - понятно. Перемена обстановки, общение с природой и т.д. Да и сам меняешься. Правда, бывает непонятно, в какую сторону. Например.

Поехали мы с Плоткиным С. однажды на природу, отдыхать от напряженной жизни. Погода в этот день выдалась самая, что ни на есть, подходящая для перемены обстановки: был сентябрь, моросил осенний дождик, вот-вот снег. Все было замечательно.

Приехали мы на природу, и сразу зашли в магазин. В магазине продавались сухие вина и крепленый напиток с красивым названием "Изабелла". Мы взяли эту "Изабеллу", потому что пить сухое вино в такую замечательную погоду было совершенно не интересно, а вообще не пить в такую замечательную погоду, да еще на природе, и вовсе странно.

Я не знаю, из чего делают эту "Изабеллу". Я знаю только, что то, что этот напиток носит то же название, что и известный сорт винограда - просто совпадение. Конечно, если бы этот напиток назвали справедливо, "Тарakановка", например, или "Рвотное крепкое", брать бы это стали, возможно, в меньших количествах, что никому не выгодно. А "Изабелла", все-таки, красиво и, опять же, женщина.

В общем, насчет будущего угощения мы не строили никаких иллюзий. Мы знали, что это такое. И все же мы (и не без удовольствия) выпили эту "Изабеллу", что в домашних нормальных условиях было для нас в то время невозможным. Природа!

Перемена обстановки - переменой, общение - общением, но загород - это загород. Всегда знаешь, что куда бы ты в этом загороде не забрался, за каждым деревом - телефонный автомат,

аптека и отделение милиции. И ничего с тобой ровным счетом не произойдет. И лишнего тебе не позволят. Вот еще один пример.

Поехали мы как-то с тем же Плоткиным С. на ту же самую природу. Только было это уже не в сентябре, а в конце мая. Тепло было. Приехали мы вечером, радостные, палатку поставили, костер развели, все, как полагается. Покой и свобода. Много иллюзий. Тихо. Птички поздние щебечут. Деревья шумят. Мы пробуем ликер, изготовленный на Кубе и пахнущий вишневыми косточками. Наутро опять: птички, деревья и ликер, пахнущий вишневыми косточками. Отдыхаем изо всех сил. Устали легли в палатку отдохнуть. Спим и слышим: кто-то вокруг палатки ходит и разговаривает. Я выглянул и глазам своим не поверил. Милиционеры! Один в форме и с ним двое в штатском.

Птички, лес шумит, в озере рыбка плещется, воздух, хвоей пахнет - все, как у Левитана. И милиционер в форме с погонами сержанта, и с ним двое в штатском...

Если бы из озера вышел водяной и стал ходить вокруг палатки, а с ним двое в штатском, мы бы меньше удивились, честное слово!

В общем, познакомились мы. Плоткин С. штраф сразу заплатил, трешку, а у меня с собой денег было-то всего копеек пятьдесят. Стали протокол на меня составлять, тут же, на лоне природы. Рассердились, подумали, что я из жлобства зажал трешку, не поверили, что человек в лес без трешки пришел.

За нарушение запрета о посещении лесов в пожароопасное время года я обязался выплатить пострадавшему лесному хозяйству 10 (десять) рублей.

Милиционер свой планшет к дереву приложил и пишет, и делает вид, что не замечает жареной курицы, которая у него под носом как маятник качается. На проволоке. Это мы себе такую радость придумали: вот, мол, проснемся, а у нас на деревьях жареные куры растут. Посмотрел я на все это, и стало мне смешно и грустно.

- Дети есть? - спрашивает милиционер.

- Да, - говорю, - один ребенок.

Он в соответствующей графе протокола и записал: "один".

Я зачем-то уточнил.

- Дочь, - говорю.

Подумал, может быть, раз дочь, так отпустят?

Он записал: "дочь".

- В ближайшее время, гражданин, - говорит, - ждем с вас десять рублей, за то, что трешку зажали. А теперь все, уходите, пока мы вас опять не оштрафовали за посещение леса в пожароопасное время.

- Как же, - говорим, - уходить? А за что же трешку заплатили?

- Трешка трешкой, - говорят, - а все равно уходите, а то мы вас обратно оштрафуем.

Затем они исчезли. Будто их и не было.

Только остался второй экземпляр протокола с надписью "один дочь" в графе "дети"...

Да, так о чем это я? ...Да!

Мы подъезжали к нашей остановке, и это был уже не загород. Это была другая планета со своими законами и климатом. Но мы этого еще не знали.

Вот он, последний поворот. Вот уже водитель сбросил газ, вот он уже нажимает на педаль тормоза. Вот уже открывается дверь, и мы покидаем последнее, что напоминает о существовании городов-героев, и оказываемся в ином мире. По нашим легким тут же резануло крепким и свежим воздухом. По ушам - матом. Тоже крепким и свежим. Мы увидели местных. Они нас встречали. Двое, которые, видимо, родились с лицами, на которых написано "дам по морде", и с ними наш знакомый мальчик Витя.

Все иллюзии начали стремительно таять в вечернем воздухе...

Если бы не Витя, морды бы нам набили раньше, чем мы успели сказать "здравствуйте", для профилактики, я так полагаю. И действительно, как выяснилось позже, нам натурально собирались немного набить лица в этот праздничный день приезда, и набили бы, если бы Витя не пресек террористов, наложив свое авторитетное "нет" на все планируемые акции. Благодаря этому запрету мы первое время пользовались правом неприкосновенности, а затем, весьма скоро, причины для мордобития отпали сами собой. Раздражение сменило любопытство, а затем появилось даже сочувствие. За нами следило все государство, в котором мы очутились. Местные системы информации беспрестанно оповещали население о каждом часе нашей жизни, что мы едим, что пьем, во сколько, сколько и по чем. Вскоре стало ясно, что мы люди, хоть и инопланетные, и ничто человеческое нам не чуждо. А потом к нам просто привыкли, так как человек может привыкнуть к чему угодно, особенно если ему при этом деваться некуда.

Помните, что было, когда начали летать в космос? Все обалдели от радости, даже пить бросили на время и стали готовиться в космонавты. А сейчас? Ну, летают. Ну, интересно. Ну, Луна. А водка подорожала...

Впрочем, я забегаю вперед.

Свирепого вида официальные лица были явно в чем-то разочарованы. Было видно, что они ожидали чего-то другого.

Помнится, что когда я только вышел из автобуса, на мгновение мне показалось, что сейчас мы обнимемся и расцелуемся, но в следующее мгновение официальные лица почему-то отпрянули. Что-то для них случилось *не то*.

Вокруг было тихо и безлюдно. Мы, покинутые автобусом, сиротливо стояли на обочине. Я с сумкой и с гитарой, Майк с сумкой и без гитары, в виду отсутствия у него таковой, и Володенька с сумкой, скрипкой, луком и колчаном со стрелами. Хорошо, что лук у него был в чехле.

Напротив таял призрак духового оркестра, мимо с нехорошим карканьем пролетели вороны, похожие на бутылки с Советским шампанским. Крики "ура" застряли в горле у официальных лиц, и они от этого постоянно сплевывали. Из-за соседнего леса высовывалась суровая рожа действительности и ухмылялась.

Но мы еще во всю надеялись.

Оркестр и крики "ура" мы Вите тут же простили, потому что банкет за чужой счет гораздо лучше пусть даже десяти оркестров и даже не духовых.

До поселка им. Ж. от остановки автобуса пешком не дойти. Только зимой пешком можно дойти. И то с риском для жизни, потому что по льду, через речку. Речка текла неподалеку, между крутых берегов. Через нее был перекинут мостик, по которому проехал наш автобус. Под мостиком плескалась лодочка с мотором. Мотор был Витин, а лодочка моих замечательных родственников, которые ждали нас с распростертыми объятиями. Вместить всех сразу лодочка не смогла.

И тут я впервые задумался. А кого они, вообще-то, встречали? Отчего так удивились? И на лодочке такой маленькой приплыли отчего?

В общем, сел Витя со своими расстроенными товарищами в лодочку, запустил мотор, и скрылась лодочка за излучиной, только волны плоские застучали по деревянной пристани, на которой остались мы.

Встреча явно не удалась, и ее необходимо было повторить.

Витя повез бывших встречающих в поселок, объявив по дороге запрет на мордобитие впредь до особого распоряжения, с кем-то даже слегка поссорившись, а мы уселись на доски и призадумались. А потом решили: ничего! Подумаешь, все немного не так. Ну, ошиблись в чем-то люди, с кем не бывает! Зато - банкет! Уж без банкета мы Витю живым не отпустим. Обещали банкет? Будьте любезны! Кого встречаете? *Нас!* Хоть бы спасибо сказали, хоть бы цветочек какой... Ждем, мол, не дождемся, пожалуйте откушать, чем Бог послал, и за наш счет...

Быть банкету, решили мы, пусть хоть вот эта речка выйдет из берегов и затопит всю Вологодскую область, а банкету быть! Наконец, застрекотал мотор.

Через пять минут мы, уже не спеша, плыли по середине речки и осматривали окрестности.

- А что Витя, - сказал я между прочим. - Банкет-то а? По поводу встречи. Как?

Витя посмотрел на меня, и было видно, что человек удивлен.

- Банкет, банкет, - поддержал Майк, - Непременно.

- Банкет это хорошо, - сообщил Володенька.

- Да, конечно... - сказал Витя и замялся. - Но... Это... И где? Да! - Он посмотрел на часы. - Так ведь магазины закрываются! Один уже совсем закрылся, а второй вот прямо сейчас. И он далеко.

- Как?! - закричали мы громко и страшно, после чего упали в обморок. Над банкетом повисла кувалда.

И тогда Витя, оценив ситуацию, круто направил лодку к берегу. Когда лодка лихо выпрыгнула на песок, мы очнулись.

- Ладно, - сказал потрясенный Витя, - сбегаю сейчас, может быть, успею... Ну, давайте...

И он подставил свою мозолистую рабочую ладонь.

- Что... давать? - спросили мы, и снова почувствовали кувалду.

- Ну... это... эти. Сколько брать-то? Быстрее.

Я вспомнил свои три рубля сорок копеек.

- А что, у тебя... Того? Нет ничего?

Витя пошарил по карманам и что-то там такое нашел. Но мало. И все посмотрели на Володеньку и на Майка.

Витя убежал. И успел. И прибежал. И принес. Банкет, правда, превращался в скромный пикник на обочине.

Все уселись в лодочку и поплыли дальше. В будущее, которое нам пока еще рисовалось в светлых тонах.

Через некоторое время кто-то крикнул:

- Земля!

И все высыпали на палубу.

* * * * *

3. Родственники стояли на берегу с распростертыми объятиями...

...Северная, а потому - холодная.

Родственники стояли на берегу с распростертыми объятиями и до боли в глазах вглядывались в горизонт, не мелькнет ли желанный парус. Но парус от чего-то задерживался. И вот...

Наконец! Наконец, показалась точка, которая, всё увеличиваясь, начинала принимать очертания знакомого судна.

- Наконец-то, - вздохнули облегченно родственники. - Слава Богу! Наконец-то!

Но, чем ближе приближался корабль, тем все меньше становилось радостных возгласов. Скоро радовались лишь близорукие и несовершеннолетние.

И вот, когда судно подошло совсем близко, рассмотреть сумели все: над родным кораблем развевался чужой флаг!

Связанный Витя лежал на палубе с кляпом во рту.

На капитанском мостике стоял *он*. Они узнали его и похолодели.

Рядом с *ним* стояли еще двое. Из его шайки. И ухмылялись.

Дочери, которую они встречали, на корабле не было! Несколько родственников упали в обморок. Отчего они упали в обморок? А вот от чего.

С тех пор как я последовательно пережил детство, отрочество и юность и появился в поле зрения родственников уже совсем большим мальчиком, они совсем потеряли покой. Не помню, кто из них первый учинил панику и впал в истерику, увидев под моими ногами обломки казавшихся им нерушимых правил движения по дороге жизни (выражаясь поэтически), но началась цепная реакция. Я никак не укладывался в их логику. Все вокруг получали высшее образование - я не получал высшего образования. Все, отчислившиеся из вуза, с позором исчезали - я не исчезал. Всех, кого не забирали в армию тут же, забирали потом. Меня не забирали и потом. Все должны были иметь профессию, а потом хобби - у меня, кроме хобби, ничего не было. Все вокруг должны были меня презирать, а меня не презирали. Младшее поколение родственников ввергало их, прямо-таки, в ужас. Оно должно было бы слушать их, умудренных житейским опытом и, безусловно, правильных и правых, а оно, это поколение, их не слушало, а слушало меня, бегущего сломя голову по пути порока, не считаясь ни с какими правилами техники безопасности и законами природы, повисающими периодически в воздухе. "Как же так? - думали родственники и решали: - Так не бывает!" И они сооружали истину из кирпичей, закаленных в их собственном воображении, которому они дали полную свободу, а воображение их оказалось богатым. И вот, я явился во всем блеске. Я был: наркоманом, хиппи, членом тайной религиозной секты, алкоголиком и тунеядцем; я был отравлен ядом буржуазной пропаганды. Я нарушал закон: а) уклоняясь от воинской повинности, б) воруя электромузыкальные инструменты

и ударные установки, в) живя без паспорта. Я посещал нехорошие места и общался с нехорошими женщинами. И еще я был не то сионистом, не то антисемитом. На стене *рядом с Пушкиным* у меня висели портреты идолов растлевающего поп-арта, как то: Д.Леннона, П.Маккартни, Д.Харрисона, Р.Старра и прочих битлов, и я на них молился.

При встречах со мной у родственников начинались приступы недержания. Они улыбались, а из ушей и ноздрей у них валил пар, а из глаз сыпались искры. Ласковые их речи сопровождались зубовным скрежетом. Так плодоносила их родственная любовь. Легенды обо мне передавались из уст в уста и вскоре распространились по всей территории Евразии. Естественно, их не избежал и поселок им. Ж..

Когда мы сошли на берег, стало ясно, что нас тут *не хотят*. Это тут же подтвердила несовершеннолетняя родственная агентура. Да и так было видно.

Родственники нас, конечно, пригласили к себе, куда им деваться? Мы сложили свой багаж на маленькой верандочке и после пятнадцатиминутной беседы о здоровье и погоде очутились на улице.

Перед нами были открыты все дороги - иди по любой. И еще сколько-то бутылок по 3.62 (вот как давно это было!). Ни еды, ни стаканов, ни Вити. Витя быстро куда-то исчез, а где его искать, мы не имели ни малейшего понятия. Зато вокруг был простор - леса, полянки, опушки, речка с берегами. Свобода!

Пока мы брели по улице, как три пилота со сломанной летающей тарелки, и нас разглядывали, я соображал, что же нам делать. Я остановился на том, что, скорее всего, придется идти в лес и строить шалаш, хотя, как и из чего - не имел представления.

И еще я понял, что ни за какие деньги у родственников ночевать не буду.

И мы решили: ладно, сначала выпьем, а затем уж видно будет. Не может быть, чтобы ничего не было! Так и получилось.

Что-нибудь, да придумаем! А пока - банкет! И вообще. Будем считать, что никаких родственников здесь, вообще, нет. Просто шли мимо, смотрим - деревня. Дай; думаем, зайдем. Вот и зашли.

По дороге в уединенное место мы встретили Витю. Он искал нас. Витя сообщил, что ночевать у него троим напряженно, места нет, но зато у него были с собой стаканы, и закуска, завернутая в местную газету "Вперед!". Закуска представляла собою четыре копченых рыбки из магазина и несколько наскоро нарезанных кусков хлеба.

Банкет начался на поросшем мхом пологом склоне, у реки,

под соснами.

Настроение было не совсем праздничным. Но оно улучшилось. Скоро оно совсем улучшилось. Мы даже вспомнили о цели нашего приезда - дышать воздухом, собирать грибы и играть рок-н-роллы.

Совсем веселые, мы направились к местной танцплощадке, чтобы найти завклубом и обо всем с ним договориться.

Была суббота. А по субботам на танцплощадке устраивались танцы под клубный вокально-инструментальный ансамбль под названием "Вечерние ритмы", состоящий из местных самородков. Майк тут же придумал им новое название: "Вечерние драйвы". На площадку нас, как заезжих звезд, пропустили без билетов. Местные самородки приободрились и заиграли вовсю.

Все вокруг зашушукались. Девки захихикали.

- Борода! Хи-хи-хи.

- А у этого штаны какие, смотри, хи-хи-хи.

- А кх-то это, а? А это кх-то, а?

- А х... их знает!

- Хи-хи-хи.

Вскоре Майку в голову пришла здоровая идея: продолжить банкет, а то погрустнело. Мы не заставили себя долго уговаривать. Видя, что мы уходим, ВИА напрягся так, что сыграл рок-н-ролл. Завклубом мы так и не нашли.

Солнце к тому времени уже давно село. Темень опустилась, выражаясь поэтически, могильная. Витя вывел нас к реке. К тому месту, где мы высадились на берег. На этом месте обнаружилась скамеечка, напротив которой мы развели костер. Впереди в темноте плескались лодки.

Витя посидел с нами немного, а затем пожелал веселиться, как все люди, и убежал обратно на танцплощадку.

Мы, наконец, остались одни.

И выпили еще немножко водки.

Затем мы доели хлеб и огляделись вокруг. И испытали восторг.

- А? - кричал я. - А? Какой воздух! Какой костер! Какая речка! Нет, я был прав! А?

- Ты был прав, Вячеслав, - говорил Майк. - Здесь в кайф! Посмотрите, какая луна над лесом на том берегу! Честное слово, я никогда не забуду этой картины!

Вы только не подумайте, что мы окончательно охренели. Нет еще. Чистый воздух, которого нет ни за каким городом, в сочетании с местной водкой давал исключительно положительный эффект.

А вид окружающего пространства действительно напрягал на

откровения. А при обострившемся чувстве прекрасного он затмевал все лучшие полотна Куинджи. Смотрите.

На реке лежал плотный туман, который фосфоресцировал в свете полной луны и вызывал ощущение космической глубины. Лес под луной на другом берегу обозначался только восковыми верхушками густых елей, все остальное сливалось с непроглядной велюровой чернотой ночи, которая подчеркивалась ярким пламенем костра. А на звезды над нами вообще было страшно смотреть.

- Ах! - говорили мы. - Пусть всегда будет так! Будем здесь сидеть всю ночь и испытывать обостренное чувство прекрасного! Давайте выпьем водки, чтобы оно еще больше обострилось!

Через некоторое время мы ощутили, что к чувству прекрасного примешивается еще одно чувство, которое тоже обостряется. Нам вдруг захотелось есть.

Еще через некоторое время это новое чувство обострилось настолько, что затмило собой чувство прекрасного. Луна слегка потускнела, туман начал рассеиваться, и мы вспомнили, что где-то тут, на берегу есть огород, на котором что-то растет. Магазин давно был закрыт. Даже если бы он был открыт, мы бы все равно его не нашли, а если бы даже и нашли, то ни за что не вернулись бы сюда, к костру потому как ночь, а фонари на здешних улицах оказались не очень-то популярны. А если мы сюда не вернемся, то потеряем Витю, а если мы потеряем Витю, мы потеряем единственную надежду как-то устроиться на ночлег, а если мы потеряем единственную надежду устроиться на ночлег, то мы сильно расстроимся, а если мы сильно расстроимся, нам захочется выпить, а выпить скоро будет нечего, потому что магазин закрыт.

Майк с Володенькой вернулись с огородов не скоро, перепачканные землей с ног до головы. В этой земле они обнаружили картошку и чеснок. Картошка отправилась печься в костер, а мы присели на лавочку и выпили, чтобы вернулось подавленное чувство прекрасного, закусили чесноком.

... Мы уже не думали о завтрашнем дне. Зачем? Не было ни прошлого, ни будущего. И мы допили водку.

... Мы сидели на лавочке и кушали пионеров идеал с чесноком. К нам приходили люди. Много людей, и все разные. И со всеми мы ласково беседовали. И всем было хорошо.

Пришел Витя.

- Вот, - сказал Витя, - там за огородами есть сарай. Он немножко недостроен, потому что тот, кто его строил, отбывает сейчас срок за совершенное им уголовное преступление. Вот

вернется - достроит, а пока сарай ничей, и в нем можно прекрасно жить.

Вот и хорошо. Вот все и устроилось. А мы и не боялись. Чтобы мы не замерзли холодной северной ночью и совсем были похожи на партизан или на дезертиров, Витя принес несколько старых матросских бушлатов. Наутро Витя уезжал. Мы оставались сиротами.

Конец этого длинного дня я помню уже не так отчетливо, как хотелось бы.

Как нас привели к сараю, я уже совсем не помню. Как будили Володеньку, который тихо и незаметно уснул на скамеечке - помню смутно.

Сарай этот стоял (а, может быть, и по сей день стоит в ожидании мемориальной доски) у подножья склона, на котором мы начали праздничный банкет. Он был окружен участком, совершенно заброшенным и заросшим сорной травой. За этим участком был еще участок, а за ним - речка с неприступным камышовым берегом...

Но это я все выяснил утром. Утро - это вам не вечер! Утром светло и пить хочется. Опять я вперед забегаю...

В сарае было темнее, чем на улице, и мы сожгли не один десяток спичек, прежде чем получили представление о том, где находимся.

Вообще говоря, "сарай" - это громко сказано. Что хотел построить человек, совершивший уголовное преступление, понять было трудно. Психология преступника сложна, прав был Федор Михайлович.

Для собачьей конуры строение было чуть-чуть великовато. Для дачного домика оно тоже не подходило, так как внутри было тесно, как в отделении плацкартного вагона, следующего из Жмеринки на Жмеринку через Жмеринку (есть такой поезд).

Сразу у входа, уже внутри домика, мы наткнулись на лесенку, ведущую на чердак, до которого было буквально рукой подать. На грязном занозном полу лежал обезображенный труп дивана, расчлененный на две части: спинку и сидение, так что два спальных места уже было. Третий мог спать на чердаке. Этим третьим оказался я.

Ради товарищей я пошел на смертельный риск, не имея еще, правда, об этом представления.

Я взял бушлат, и, собрав остатки тающего сознания, влез на чердак, где было еще темнее, чем внизу.

Едва мое тело приняло горизонтальное положение, сознание покинуло меня, и я растворился в темноте ночи. Северной, а

потому - холодной.

* * *

4. Когда я очнулся, был уже рассвет…

… Дождливая, а потому - сырая.

Когда я очнулся, был уже рассвет. Об этом говорили фиолетовые щели на крыше. Сквозь них сочился холодный утренний свет, позволивший мне быть сильно удивленным тому, что то, что должно было случиться - не случилось. А что же должно было случиться? А случиться должно было то, что вчера или прошедшей ночью я должен был упасть вниз головой на Володеньку или на Майка, сломать себе шею или получить в лучшем случае, нервный шок.

Оказалось, что я спал на краю пропасти. Того, что во всех домах называют потолком, здесь не было. Здесь он существовал чисто условно, в первом приближении, лишь около стен. Все остальное - большая дыра.

Я посмотрел вниз. Майк с Володенькой лежали без признаков сознательной жизни. На лице Майка покоилось невинное блаженство.

Меня колотила мелкая дрожь. Изнутри и снаружи. Язык надежно прилип к небу, мне было холодно. Ах, как мне было холодно! Как это неприятно - проснуться от дрожи в теле на чересчур свежем воздухе вдали от родного очага! Как это унизительно - мерзнуть безо всякой надежды на тепло. Никакие явления нашей родной природы не оскорбляют человеческого достоинства так, как оскорбляет холод…

На часах было что-то между пятью и шестью. Местные петухи еще не проспались.

Если бы кто-нибудь проходил мимо в тот момент, когда дверь сарая открылась, и я оказался на пороге, то он наверняка бы решил, что в поселке им. Ж. объявился изверг рода человеческого.

Мне было *холодно и плохо*. Все вокруг было в ледяной росе. И я был в ледяной росе. И Майк с Володенькой были в ледяной росе, но они спали и не знали этого.

Я помнил одно: вчера у костра на берегу было тепло. Относительную реальность окружающего мира я осознавал еще не до конца, и поэтому к месту, где мы вчера старательно радовались жизни, я отправился *по прямой линии*.

Сначала я пересек заброшенный участок, густо заросший

травой. Это было все равно, что переходить вброд мелкую речку, так как трава накопила изрядное количество росы, и эта роса охотно выплескивалась на мои ноги. Но мне было на это наплевать. Я качался, спотыкался, но шел, и, наверное, смахивал на выходца из свежей могилы.

Когда я оказался уже на соседнем, кем-то старательно вскопанном участке, через который лежала моя прямая, я остановился, так как почувствовал, что па мне чего-то не хватает. Что-то исчезло на мне. Я посмотрел вниз и обнаружил, что на правой ноге нет вельветового тапочка. На левой есть, а на правой нет. Удивленный, я стоял в грязи наполовину босиком. Потом я пошел назад по своим следам. Тапочек засасывала дряхлая лужа, по которой я только что прошел и которой не заметил. Мне уже было настолько холодно и сыро, что больше уже быть не могло, поэтому я смело вошел в лужу, надел тапочек и возобновил движение.

... Потом я искал сухие щепки. Сырых было много, а сухих не было вовсе. К этому времени мелкую дрожь сменила крупная, и я понял, что если сейчас не получу хоть одного градуса тепла, то мне станет настолько безразлична жизнь с ее проблемами, что я пойду и в одежде искупаюсь в речке назло кому-нибудь.

Сухих щепок я так и не нашел, но под какой-то доской обнаружились сухие опилки.

Потом я добывал огонь.

Это была битва со стихией, война с законами природы, столкновение миров.

Я работал с тупым упорством насекомого. И победил.

В деревнях люди просыпаются рано. Они просыпаются и всей деревней выходят к реке. Я не знаю, зачем они это делают. Может быть, это зов предков: просыпаться в страшную рань и всем миром подаваться к реке?

Впрочем, в этот день могло быть и так. Сначала один вышел и увидел меня, а потом уже и все остальные за ним вышли, чтобы тоже увидеть меня.

Я сидел перед костром. Босиком и почти в позе, именуемой в народе "лотосом". Ноги скрещены, руки на бедрах, голова и спина прямо, на одной линии. Может быть я даже слегка покачивался из стороны в сторону, пел "Харе Кришна" и говорил слово ОМ. А, может быть, не покачивался, не пел и не говорил, - не помню. Я смотрел прямо перед собой, обратившись лицом на северо-запад, к Городу-герою, ощущая приливы то блаженства, то одухотворенности.

Мои тапочки стояли, прислонившись к огню, и от них шел пар. И от джинсов шел пар. И, вообще, вокруг был сплошной горячий пар, было тепло и сыро. И голова кружилась, и поэтому я долго не мог сосредоточить внимание на лицах людей, которые появлялись недалеко от меня. Вступить с ними в контакт я тоже не мог...

А может, они и не пытались вступать со мной в контакт? Может быть, они думали: вот сидит человек, впавший в самадхи, не будем его беспокоить, а то он так там и останется, а его дома, может быть, мама ждет. Но, возможно, они так и не думали, возможно, они эти самадхи в гробу видали и, может быть, они мне что-нибудь и говорили, а я просто не помню теперь, что вовсе не удивительно.

Но зато я помню появившееся лицо одного из родственников, который тоже вышел на берег, даром что приезжий, и когда он увидел меня, то чего-то испугался и сделал вид, что пришел на речку подышать свежим воздухом и помыть лицо земляничным мылом. Помывшись, он побежал домой и выдал новый шедевр - опус о том, как мы вчера напились, нам набили морды, как мы просились по дворам на ночлег, всех пустили, а меня выгнали на улицу - и так мне и надо.

И еще я помню, что появился Витя, и, увидев меня, испытал сильное удивление, решив, что я сижу здесь со вчерашнего вечера. Он ведь тоже помнил этот вчерашний вечер не так отчетливо, как ему хотелось бы.

Витя сел в лодочку, помахал всем на прощание ручкой и уплыл в Город-герой работать сварщиком. И тут я начал приходить в себя, потому что мне пришло в голову, что раз Витя уехал, то времени уже часов восемь и сижу я у костра Бог знает сколько времени. Солнце уже поднялось. Было сухо и тепло. Самое страшное осталось позади, и мне становилось весело. Правда, кружилась голова, и хотелось пить, но это уже было делом поправимым.

Позднее утро - это вам не раннее утро.

Тут ко мне подошла пожилая женщина. Это была Витина бабушка. В одной руке она держала алюминиевый бидон, а в другой небольшую корзинку. В корзинке была картошка, и что-то завернутое в тряпочку.

- Вот, внучек, - сказала она. - Ты бы вот покушал... И товарищам своим снеси, пусть тоже покушают. А то что же это?.. Ах вы, бедные... Если еще картошки захотите или еще чего, пожалуйста, заходите.

И весь добрый русский народ посмотрел на меня, и мне сделалось стыдно, Ведь это же у него мы вчера воровали

картошку, и, небось, истоптали весь огород. Ах, как это нехорошо получается! Вот придет она сегодня картошку копать и расстроится, или еще хуже - догадается, что это мы, ибо нет ничего тайного, что не будет явным. И больше никогда и никому не даст картошки и того, что в бидоне. Компота из малины. И того, что завернуто в тряпочку. А там что? Горячие оладьи... И оладьей никому не даст добрый русский народ.

И как это она сказала? И товарищам своим...

И тут я вспомнил о товарищах.

В самом деле, а где же Володенька с Майком? Может быть, они уже проснулись, увидели, что меня нет, и решили, что я ушел в лес помочиться, заблудился, и меня съел серый волк?

Я взял корзину и бидон, обулся, и поспешил к сараю.

Володенька с Майком спали, ни на миллиметр не изменив поз.

Что же это? Пока я боролся со стихией, терпеливо сох, переживая каскад сильных ощущений, они, оказывается, и не просыпались! Вымокли в ледяной росе, высохли, и лежат, как новенькие.

- Подъем! - объявил я страшным голосом. Хорошо иметь дело с мастером спорта по стрельбе из лука. Володенька, как только открыл глаза, сразу встал. Потом сел.

Майк из лука стрелять не умел, поэтому он повернул ко мне голову с закрытыми глазами и решил, что для начала достаточно.

- Вячеслав, - пробормотал он, - давай поспим. Спать хочется.

- Давай, - сказал я. - Только я лягу на твое место, а ты пойдешь на чердак. Я там уже был. Больше не буду.

- А что это у тебя в бидоне? - спросил Володенька.

Я протянул ему бидон.

- Это малиновый компот.

- О! - простонал Володенька и надолго приложился к бидону.

Майк не выдержал, проснулся и потребовал бидон себе.

Отдавая должное Витиной бабушке, мы откушали оладий, а затем констатировали, что вчера, вроде как, и напились.

Сделав надлежащие выводы, мы стали соображать, чем бы теперь заняться. Во второй половине дня нам предстояла встреча с завклубом, фамилия которого будет странной - т.Пин, и к хунте она решительно не имеет отношения.

Я предложил съездить в город У. Это тридцать-сорок минут езды на автобусе. В этом городе также жили мои родственники. Но это были родственники уже по другой линии. До них, конечно, тоже дошли произведения моих сердитых биографов, но эти родственники не шипели и не скрежетали зубами, из ноздрей у

них не валил пар, и из глаз не сыпались искры, и если им чего-то не нравилось, они так и говорили: нам это не нравится. Они не делали вид, что понимают все, не понимая ничего. Они не видели того, чего не было, и видели то, что видели.

И вот я сказал:

- Я не могу находиться рядом с местами, где я был счастлив когда-то, и не побывать в них. Давайте съездим в город У. Туда и обратно. А потом будем собирать грибы и договариваться с т.Пином.

Майк с Володенькой засомневались, стоит ли тащиться неизвестно куда, когда мы и так неизвестно где.

- Да это же совсем близко! - сказал я. - Это же город-памятник! Памятник русского зодчества! Вот комедия Гоголя "Ревизор". Вы знаете, где все это происходило? Это все происходило в городе У.! А Батюшков? Поэт. Он тоже жил в городе У. И вообще, это город, это районный центр! Это вам не село в две улицы. В городах, между прочим, население пиво пьет!

Тут Володенька с Майком заметили, что мне с этого и надо было начинать, и что раз такое дело, то чего там, можно и съездить.

Но сначала надо было зайти к родственникам, у которых на веранде остались наши вещи.

Незамеченными нам уйти не удалось. Все родственники, почему-то, оказались дома.

Нас пригласили в комнаты и усадили на всеобщее обозрение. Все уселись в кружок. На лицах заиграли дипломатические улыбки. Мы смотрели друг на друга с любовью и нежностью.

- А-я-яй, Вячеслав, - сказал ласково один родственник. - Ну что же вы так? Не заходите. Поужинать. Позавтракать. Вроде, не чужие.

- Ой, что вы, что вы, - сказал я бархатно. - Зачем же-с? Мы так-с. Не извольте беспокоиться. Мы вас стесним. Я ведь не один. С друзьями-с.

- Это ничего, - подал голос другой родственник. - Это даже хорошо, что с друзьями, ведь человек не должен быть один. Только он должен был телеграмму об этом дать. И вообще, что едет...

- Ну, да ведь мы думали, что вас предупредили, - сказал я. - Впрочем, пустяки. Мы великолепно устроились. Тут недалеко... Дача.

- Это где дача? - насторожились родственники.

- Это недалеко. Там-то и там-то.

- А, это такая-то и такая-то?

- Да, она-с. Не извольте беспокоиться.

- Ага, ну, что ж, ежели вам нравиться... Конечно, дача, мы понимаем. Только отчего же так демонстративно? Нехорошо. Вроде, не чужие.

- Что вы, как можно-с? И в мыслях... Мы, как вам лучше-с.

- Ну, как же, - уже появились первые искры и струйки пара. - Не в лесу живем. Соседи вокруг. Подумают, что мы вас не пустили... Вы бы заходили, маячили...

- Конечно, зайдем, - заверил их я. - Ведь не чужие. И вещи... Мы ведь на даче почему? Чтобы вам лучше-с. Мы о вас...

- И мы о вас...

И все дружно засветились.

Майк с Володенькой сидели с пионерскими лицами, честными, правдивыми и непорочными.

- А что грибки? - спросил я. - Растут нынче?

- Есть, есть. Маловато, правда, в этом году, но есть.

- Вот мы за грибками собираемся. Нам бы корзинку-другую...

- Конечно! Хоть десять штук. Обязательно.

- И у дочки...

- И удочки! Хоть десять удочек. Вы только заходите, а то соседи...

- Как же, непременно! Вот вернемся и зайдем. Что, автобусы ходят в город У.?

- Ходят, ходят, отчего не ходить?

- Ну, мы тогда...

- Да-да, конечно...

Все кланяются.

На автобусной станции мы узнали, что автобус в город У. отправится примерно через час.

Мы перешли улицу наискосок и оказались возле магазинов. Их в поселке имени Ж.. оказалось три, самых необходимых - продуктовый, промтоварный и винно-водочный. Осмотр решили начать с последнего и обнаружили в нем такое изобилие и разнообразие, что не могли прийти к общему мнению, что бы нам такое сейчас купить, чтобы поправить пошатнувшееся здоровье перед поездкой в автобусе.

В конце концов, купили яблочного, прибалтийского. В бутылках емкостью 0,5 л. Яблочное было удивительно дешевым даже по тем далеким временам - рубль с чем-то. Купили по бутылке на гражданина. Осмотр других магазинов решили отложить на потом. Майк предложил сесть посередине улицы и начать пробовать яблочное тут же, не теряя времени даром. Я категорически возражал, так как не известно, какие тут порядки,

и вообще, зачем сидеть посередине улицы, когда вокруг лес с миллионом полянок и пеньков.

Майк сказал что-то о занудстве и о том, что я слишком большое значение придаю обстановке, тем более что речь идет о поправлении пошатнувшегося здоровья, вполне естественное дело.

Однако пошли в лес.

На полянке, вокруг небольшого холмика, который послужил нам столом, мы и расселись. Яблочное было каким-то странным, но вполне заменяло пиво, тем более и бутылки были такими же. А что касается самого пива, то здесь, как выяснилось, оно бывало лишь по поводу очень больших празднеств, в разряд которых наш приезд не попал.

Мы возлежали на холмике и смотрели по сторонам. Нас окружал сосновый лес. Стерильный воздух. Чириканье птичек. Начало солнечного дня. Весь лес был пронизан косыми полосками света. В животе весело играло яблочное. Оно располагало к дружеской беседе и радостному восприятию мира.

- А вон гриб, - сказал Володенька. - Моховик.

- А вон еще гриб, - сказал я. - Тоже моховик.

- А вон мухомор, - сказал Майк.

- Раз есть мухоморы, - сообщил я, - значит, есть и белые. Это народная примета.

- А какая погода!

- А как поют птички!

- Слушай, Вячеслав, - сказал Майк. - Ты уверен, что тебе хочется ехать в город У.? Зачем ехать в какой-то город У., когда и здесь неплохо? Давайте лучше пойдем за грибами.

Действительно, подумал я, может быть, завтра съездим? Тем более что воспоминания детства уже не так меня мучают. Конечно завтра!

- Можно и за грибами пойти, - согласился я, - только жалко, что яблочное кончилось...

Я вот сейчас пишу и не могу вспомнить, когда же это мы ходили за грибами? До того, как сходили в магазин, или после? Или в промежутке между магазинами? Это, конечно, не важно, но интересно.

Мы зашли к родственникам и объявили, что желаем идти за грибами, и нам бы хотелось корзинку-другую.

- Конечно, - ласково сказали родственники, - хоть десять штук, только сейчас как раз нету ни одной. Все взяли по корзинке, а кто и по две, и уехали за реку, тоже за грибами.

В конце концов, грибы мы собирали в корзинку и бидон

Витиной бабушки.

Но когда? Нет, решительно не помню.

В общем, лежим мы на пригорке, греемся на последнем солнышке, не обращая внимания на тучи, что над лесом сгущаются, и пробуем местный портвейн. Володенька портвейн поначалу не пил, объявив, что не желает травиться раньше времени, а пил "Тымзу" из гигантской бутылки в плетеной корзиночке. Потом он немного подумал, отставил "Тымзу" и потребовал себе портвейна.

Рядом на траве сумка. В ней что-то мощно позвякивает. Перед этим мы, видимо, еще попробовали яблочного, потому что направились к клубу с недопитым портвейном в сумке. И мы еще не догадывались, что уже сделались пьяненькими... Свежий воздух, напитки местного производства... Попробуй, рассчитай!

Т. Пина в клубе не оказалось, и мы расположились на лавочках в беседке неподалеку от клуба.

Вот сидим мы на лавочках, а вокруг нас местные подростки. Они смотрят на нас с любопытством или даже с восхищением. Затем дают Майку покататься на велосипеде, который привели под уздцы.

Когда самые смелые решили, что знакомство состоялось, и попросили закурить, мы их разочаровали, потому что в нас проснулись все самые лучшие чувства, мы любили все человечество сразу и не желали зла его детям. Дав самым крепким пару раз затянуться, мы приступили к воспитанию. Несомненно, что никогда еще эти дети не слышали ничего подобного о пагубном влиянии никотина и алкоголя на детский организм. Лекторы вещали о гастритах и умственной отсталости, о язвах желудка и идиотизме, дымя при этом, как две заводские трубы, и прихлебывали из горлышка, передавая друг другу бутылку.

...Как мы очутились у реки? И зачем мы полезли через какую-то дурацкую лесопилку? Может быть, мы пошли помочиться и случайно вышли к реке? Нет. Зачем надо было забираться в такую даль, чтобы помочиться? Значит, мы намеренно отправились к реке? Значит, намеренно. А зачем? Водички попить? Может быть, и водички попить. А может быть, купаться захотелось? Может быть, и захотелось. Правда, особой жары в воздухе не ощущалось. Ну, ладно. Вышли мы к реке, и вышли.

А вот куда Володенька девался? Ведь был же. Майка у реки помню, себя помню, а Володеньки не помню. Может быть, он в магазин пошел? Или остался в беседке мою сумку сторожить? Вот

чего не знаю, того не знаю, все может быть. Короче, мы с Майком вдруг оказались на берегу реки, и Володеньки с нами не было.

Берег этот, вообще говоря, был территорией не то лесопильного завода, не то еще чего-то в этом духе, в общем, промышленной зоной, но мы об этом не знали. Мы стояли на берегу и удивлялись, отчего это вся речка здесь утыкана катерами, баржами, цепями и другими железными объектами.

Небо быстро заволокло тучами, но мы были уже вне власти стихии.

- А что, Вячеслав, - сказал Майк, - не искупаться ли нам?

Он лег наземь и попил из реки водички с промышленными отходами.

- Вода теплая.

- Можно, конечно, - пожал я плечами. - Жалко, плавок нет.

- Вячеслав, какие плавки! Это тебе не Сочи. Никого нет!

На противоположном близком берегу стояли дома, ходили люди, жизнь шла своим чередом, но мы уже не воспринимали дальние объекты, как существующие.

- Да, - засомневался я, - сейчас искупаемся, а потом сохни. Или ходи с мокрыми штанами, а я не люблю...

- А зачем мочить одежду? Вячеслав, не занудствуй! Давай искупаемся.

- И то правда, - согласился я. - Как это я сразу не догадался? Зачем мочить одежду? И не плевать ли нам на всех?

- Плевать нам на всех, тем более никого нет.

- Ну, тогда давай искупаемся.

Сделавшись совсем голым, мы начали входить в воду.

- Да, - заметил я. - Совсем забыл. Я ведь плавать не умею.

- Ничего, - сказал Майк, - научишься. Какая теплая вода! Давай поплывем к той барже.

- Давай. Только я плавать не умею. Разве что попробовать?

У баржи я оказался раньше Майка. Мы уцепились за свисавшие с нее цепи. Или это были канаты? Неважно.

- Эх! - кричал я. - Какой супер!

- А говорил, плавать не умеешь.

- А я и не умею. Это тут вода, наверное, специальная, как в море, сама держит.

- Поплыли назад!

До берега я доплыл так же бодро и смело, словно всю жизнь только и делал, что плавал до баржи и обратно.

Загадка природы, этот наш организм! Сколько скрытых возможностей он в себе таит! А сколько потребностей... Мы вышли на берег.

- Давай обсохнем, - предложил Майк.

- Да, - согласился я. - Спешить некуда.

Постояли, посохли.

- Кальсоны продай, а после бани выпей, - сказал я. -Так Суворов учил.

- Правильно учил, - кивнул Майк.

- А погодка-то ничего...

- Ничего. Дождик скоро.

- Дождик - это тоже неплохо.

Тут к нам подошел мужик. Из местных. Он, видимо, решил поближе рассмотреть двух идиотов, которые стояли голыми среди бела дня на виду у всего поселка, хлопая себя по бокам и говоря "эх" и "ух".

Подойдя вплотную, он внимательно осмотрел нас со всех сторон. В лице его появилась догадка.

- А-а-а, так это вы из Города-героя? - радостно сказал он.

- Да, это мы, - согласились мы. - Вот, купаемся.

- А, ну, тогда понятно, - сказал мужик и пошел обратно.

- Что-то мы долго сохнем, - сказал Майк. - Давай, что ли, оботремся.

- Да, - кивнул я. - По-моему, мы немного в мазуте.

- Да, похоже на то.

Мы не спеша обтерлись футболками и, не спеша, оделись.

До клуба шли босиком. По металлолому и по колючим шишкам.

Граждане, не купайтесь в нетрезвом состоянии! От плавания разгоняется кровь с разбавленным в ней алкоголем, и алкоголь начинает форсированно действовать на организм, что, в последствии, оказывается большой неожиданностью.

Следующая сцена - уже в кабинете т.Пина. В ней уже присутствует Володенька. А откуда Володенька взялся? Ведь не было же его. И в клуб мы с Майком пришли прямо от реки. Сколько неразгаданных тайн, однако, ожидает нас на жизненном пути (выражаясь поэтически)!

И еще. Чью водку мы пили с т.Пином? Нашу или его? И вообще, сколько же всего было выпито за весь этот долгий и трудный день? И когда грибы собирали? До дождика или после? Днем или ночью?

Расставшись с т.Пином и выйдя из клуба, мы обнаружили, что поселок имени Ж.. накрыт ночным мраком. Накрапывало.

Вот еще загадка: как мы дошли до сарая? Вернее, не до сарая, а до огромной ямы в виде воронки, обнаруженную нами на склоне недалеко от сарая? Впрочем, тут, скорее всего, заслуга

Володеньки. Во-первых, зря, что ли, он мастер спорта по стрельбе из лука, во-вторых, он угостился в общей сложности меньше нас, потому как сначала держался, и, в-третьих, он не купался в реке. Вот поэтому, видимо, он и нашел дорогу. По звездам ли, или по тусклым желтым лампочкам на редких столбах... И поэтому же он не шел в обнимку с Майком и не орал с ним хором на все окрестные леса куплеты про "прекрасную шестнадцатилетнюю" дурным голосом и не на родном языке, и ему не казалось, что он на Марсе и пора лететь обратно на Землю.

Неизвестно, который был час, но нам не встретился ни один житель поселка. Конечно, людей можно понять. В самом деле, когда по улице идут, шатаясь, в обнимку *пьяные*, и орут вместо "бывали дни веселые" или, скажем, "темная ночь", что-то непонятное и совершенно не по-русски, неизвестно, что от таких можно ожидать.

Последнее, что я помню, это лежу я на дне ямы. Рядом костер горит, Майк шевелится. Володеньки нет, он к родственникам послан, грибы наши жарить.

А с неба крупные капли падают. Дождик идет. Теплый и маслянистый.

А затем сознание покидает меня, и я растворяюсь в темноте ночи. Дождливой, а потому - сырой.

* * *

5. Утро следующего дня было серого цвета...
...Кто из нас был прав, так и осталось загадкой.

Утро следующего дня было серого цвета. Оно было дождливым и ветреным.

Я открыл глаза и обнаружил, что нахожусь в сарае и лежу на спинке дивана, накрытый бушлатом. Перед моим лицом стояла алюминиевая миска. Из миски на меня смотрели огурцы, вареная картошка и жареные грибы, покрытые проявившимся на холоде свиным жиром.

Напротив просыпался Майк. Володенька, как спортсмен, спал наверху, на жердочке.

Майк приподнялся на своем ложе, я посмотрел на него и подумал, что выгляжу, вероятно, не лучше. Я хотел об этом сказать, но не смог, отчего удивился и закрыл рот. Майк пошарил где-то за собой у стенки и извлек на свет... почти полную бутыль "Тымзы"!

- О!!! - сказал я.

- Да, - согласился Майк.

- "Тымзу" пьете? - раздался сверху голос, и Володенька

спорхнул с жердочки, правда, не так бодро и весело, как ему хотелось бы.

- Как это удачно вышло, что мы не выпили вчера "Тымзу", - заметил я. - Однако когда же это мы ели грибы? Что-то не помню.

- А ты и не ел, - сказал Володенька. - Ты спал.

- А как же я до сарая дошел, коли спал?

- А ты и не шел, - сказал Майк. - Тебя донесли.

- Да?.. Давайте еще попробуем "Тымзы".

- Ух!

- Эх!

- Их!

- Ну, и как грибы? Вкусные получились?

- Наверное...

Я взял ледяной гриб, разжевал и с трудом проглотил.

- Ну, и как там родственники? - спросил я Володеньку.

- Нормально. Я пришел - они уже все в доску...

- Это хорошо.

- Ох!

- Эх!

- Ух!

- Однако, никогда не думал, что "Тымзу" можно пить с таким кайфом.

- Вячеслав, "Тымза" это очень вкусное вино на самом деле.

- Да, - сказал Володенька, - и бывает очень кстати.

- Жаль, что все кончилось.

- Ха! Ты представь, если бы вообще ничего не было.

- А ты помнишь, как мы вчера купались?

- Помню, очень хорошо купались. А ты помнишь, как Рок-н-роллы пели?

- Помню, очень громко пели.

- Вроде как, напились вчера...

По крыше стучали капли, в щелях шуршал ветер.

- Что-то стало холодать, - сообщил Володенька.

- Магазин уже открыт, - согласился я.

- Опять напьемся, - подытожил Майк.

- Не напьемся, - сказал Володенька. - Денег нет.

- Что, совсем нет?

- Ну, на яблочное, разве что...

- Спокойно, - сказал я. - У меня же еще трешка... О, проклятье! Я же сумку в клубе оставил! А в ней трешка!

- Пойдем в клуб, да заберем, в чем проблема?

- Только сначала выпьем яблочного...

Мы вышли на улицу. Моросил дождик. С сосен срывались крупные капли.

- Экие морозцы, прости Господи, стоят, - процитировал я старинный стишок, - лапочки от холода совсем свело.

- Как тут не напиться? - спросил Майк.

Тут с нами впервые поздоровались.

- Кто это? - удивился Володенька.

- Нас, похоже, уже все знают, - сказал я.

- Хо! Странно было бы нас не знать, - сказал Майк.

Показался магазин. Но мы не предчувствовали беды и даже не обратили внимания на то, что у магазина никого нет.

Все стало ясно лишь тогда, когда на двери магазина обнаружился огромный замок и надпись: ПОНЕДЕЛЬНИК - ВЫХОДНОЙ.

- Вот это да! - ахнули мы. - Понедельник - выходной! Вот это порядочки! Стрелять надо за такие порядочки!

- Что же мы не прочитали раньше, что понедельник - выходной?

- А кому это могло прийти в голову?

- Смотрите, продуктовый работает, промтоварный работает, а этот, видите ли, выходной!

- Что будем делать?

- Давайте постучим, может откроют...

- Граждане, - сказал я, - все ясно! Сама судьба велит нам ехать в город У.

- А, может быть, там тоже выходной?

- Володенька, это тебе не поселок имени Ж.. с одним магазином, да и тот в понедельник выходной. Это, между прочим, районный центр. Это Город-памятник! Не могут же там быть закрытыми *все* магазины. Какой-нибудь, да открыт. И ларьки там *должны* быть...

В землю смачно впивается ливень. Мы стоим под навесом у закрытых дверей клуба и громко стонем. Плохо начался этот день. Все против нас. Эй, кто-нибудь! Отдайте нам наши три рубля! Нам холодно и плохо! Эй, мы пива хотим! Мы же не знали, что у вас здесь ПОНЕДЕЛЬНИК - ВЫХОДНОЙ!

Дождь и ветер. Закрытые двери. Сырая поэзия.

Я пью воду, текущую толстой струёй с крыши, а Майк говорит, что она грязная, а я говорю, что она не грязная, потому что давно уже течет, и вся грязь уже стекла, попробуй говорю, очень в кайф, а Майк говорит, сам пей свою грязную воду, как будто вчера из речки воду с нефтепродуктами не пил, пил ведь, и ничего, почти, как новенький...

В город У. мы ехали в скрипящем и чавкающем автобусике. Мы ехали и уныло молчали. Мы уныло молчали и ехали. Когда проезжали мимо винно-водочного завода, по салону прошло оживление.

- А? - заметил я. - А вы говорите!

Приехали мы в город У., город-памятник. Вышли из автобусика.

Мне грустно вспоминать дальнейшие полдня. К исходу этих дальнейших полдня мы ходили по улицам уже из принципа, и нам давно уже было ясно, что ПОНЕДЕЛЬНИК-ВЫХОДНОЙ это лозунг если не областного, то уж, наверняка, районного масштаба.

Один раз, правда, у нас появилась слабая надежда. Это когда мы увидели группу мужичков, топчущихся возле безнадежно закрытого магазина.

- Смотрите, - сказал Майк, - это не просто так.

- Народ явно что-то соображает, - согласился я.

- А давайте пойдем за ними, - предложил Майк. - Может быть куда-нибудь, да придем?

Но из этой затеи ничего не вышло. Мужички, соблюдая все правила конспирации, разошлись в разные стороны, парами и по одному.

Тогда мы подошли к магазину и постучали. В окне появилось лицо. Возможно, нам бы и открыли. И, может быть, даже и пожалели. Если бы мы были не мы. А кто мы такие? Не знают тут таких! Может быть, мы не как все люди и вовсе не за *этим* пришли, а за остатками вечерней выручки? Вон, вон идите!

Проходите, не задерживайте!

- Все, - сказал я, - это конец. Ах, как это все сложно! Давайте теперь зайдем к моим родственникам, и на автобус.

Конечно, не хотелось появляться в местах, где я был счастлив когда-то в *таком* виде, да что было делать...

Встретили нас. Накормили. Задерживать не стали. А что нас задерживать? Трое с квадратными глазами. Говорят, что приехали на гастроли. Музыканты, мол. Артисты. Это уж точно. Особенно вон тот (Володенька) в своих кальсонах (спортивных штанах). От поезда, небось, отстал, продал штаны и теперь ходит в подштанниках, артист... И об Вячеславе вон что говорят. Может, и врут. А может, и нет.

Пошли мы на автовокзал, размышляя по дороге, доживем мы

до завтрашнего утра или не доживем.

Ах, какой грустный день! Как сыро и неуютно... Неужели мы только позавчера приехали?

Послушайте, а может быть, нет никакого Города-героя? Может быть, есть только сарай на берегу реки, грибы в лесу и магазин, закрытый в понедельник, и этот понедельник вечный?

Наш знакомый автобусик, поскрипывая и покашливая, разинул двери, и в него полез народ с мешками и узлами.

Когда мы оказались внутри, зажатые со всех сторон спинами и грудями, выяснилось, что автобусик в поселок имени Ж.. ехать раздумал, и поедет теперь в какой-то другой поселок. Этой новости, почему-то, никто, кроме нас, не удивился, и все преспокойно остались на своих местах, а мы едва успели продраться сквозь спины и груди и выскочить наружу. Автобусик уехал. Больше ни одного автобуса на вокзале не было.

- Женщина!!! - закричали мы в дырку в стене. - Когда же автобус в поселок имени Ж.?!

- А автобус в поселок имени Ж.. будет завтра, - сказали нам из дырки. - В шесть тридцать утра, по расписанию.

Давайте снимем шляпы и побудем минуту в молчании. И давайте запомним, что понедельник - день тяжелый. Особенно он тяжел в Вологодской области.

Делать было нечего, предстояло с позором возвращаться к родственникам и проситься переночевать... Ах, как неприятно. И грустно.

- А знаете что, - сказал вдруг Володенька. - У меня есть один знакомый, он служил в армии...

- Ну и как там, в армии? - спросил я.

- В армии тяжелее. Здесь магазины хоть и закрыты, но есть. А там их и вовсе нет.

- Ага, знаю, они намазывают на хлеб сапожную ваксу и *рубают*...

- Нет, - сказал Володенька, - они там пьют ПОМОРИН.

- Точно! - сказал Майк. - Я тоже слышал об этом. Говорят, в кайф. Только его разбавлять надо... Володенька, ты гигант!

- Послушайте, - сказал я, - ну, какой может быть кайф от поморина?

- Ну... наверное, в нем спирт есть, - пожал плечами Володенька. - Мой знакомый сам пробовал.

- Все, пошли за поморином, - сказал Майк. - Хуже не будет.

Чего только не сделаешь в понедельник-выходной! Можно даже купить тюбик поморина. И бутылку воды боржоми. Потом подумать и купить граненый стакан. И магазины оказываются

открытыми, и торгуют они во всю поморинами, боржомами и гранеными стаканами...

- И где же мы будем... зубы чистить? - поинтересовался Володенька.

Майк опять предложил сесть тут же, посередине улицы, и начать разбавлять, не теряя времени даром.

- Нет, - объявил я. - Есть тут одно место, где я тоже был счастлив когда-то. Это парк сказочной красоты. Я играл в нем в прятки и в войну. А еще там течет речка. Она чистая и прозрачная. В ней я умывался по утрам. В этой речке даже щуки водятся.

И мы пошли в парк. А парк этот находился рядом с *тем* домом, где нам предстояло ночевать... Нет, это грустный день!

Вот он, парк. А вот и танцплощадка.

Эх, прошу прощения, граждане. Я сейчас, пожалуй, поударяюсь в воспоминания и вернусь в шестидесятые годы XX века. Именно тогда я и был здесь в последний раз. Беззаботная жизнь десятилетнего человека, любящие родственники, новые игрушки. Ночлег - на сеновале. Прохладно и темно. Одуряющий запах сена. Лежишь и слышишь все, что происходит вот на этой танцплощадке.

Каждый вечер:

"Жил в гораах целый век человееееек!"

"О, Марко-Марко-Марко По-лоооооо!"

"Вечером эээхо зааа ре-коооою!"

"Мааа бэби дуу ми хэнки пээнки!"

"А ты люби еёооо, свою девчооонку!"

"Селене ене ап!"

"Ооопять от меня сбежалааа поопоследняя электричка!"

"Загадал мне попугай..."

"Е.Е.Е-е. Е!"

Или кто-то на аккордеоне наяривает. Или на саксе под аккордеон с барабанами. Бит!

А парни в клешах с цепочками шейк *ломают*.

А я лежу на сеновале, слушаю и мечтаю скорее вырасти, надеть штаны с клешами и с цепочками и пойти *ломать* шейк. И я боюсь, что может случиться так, что, когда я вырасту, шейк ломать уже не будут, не будут продавать сигарет с фильтром, запретят штаны с цепочками, и мне будет ужасно обидно, что я не успел попасть в это золотое время...

И вот, нам предстояло ночевать (если еще пустят) на этом самом сеновале с неубитым чувством похмелья, потому что из этого поморина ни хрена не выйдет, а родственники будут

смотреть на меня и думать, что нет у меня ничего святого, раз я являюсь сюда вот так, с хаером, с квадратными глазами, неизвестно откуда и неизвестно с кем...

Кстати, как выяснилось немного позже, я оказался прав, предположив, что родственник, который мылся у реки земляничным мылом, помчался домой и соорудил очередное повествование, раскрывающее тайный смысл нашего приезда в поселок имени Ж.. Вытершись полотенцем, он отправился в город У., где и изложил свою версию местным родственникам. Ну, а затем появились мы, живое доказательство его выводов.

- Это и есть твой парк сказочной красоты? - поинтересовался Майк и поддел ногой ржавую консервную банку

- Сказка погребена под плевками и мусором, - сказал я. - Атомный век.

- А где речка со щуками? - спросил Володенька.

- А вон за теми кустиками в конце аллеи, - сказал я. - На ее берегу мы и отдохнем. Кстати, боржоми можно было и не покупать. Вода там чистая, так что...

Мы остановились.

Между знакомыми берегами текла незнакомая жидкость кирпичного цвета. Она чавкала, хлюпала и пахла дерьмом.

- Все назад! - сказал я. - Проклятое время. Кали юга, одним словом.

- Хорошо бы не выражаться, - попросил Володенька.

- Давайте будем трескать поморин, - предложил Майк. - Хоть вон на той скамеечке.

Мы присели на скамеечку, увешанную выплюнутыми беломорными окурками.

- Давай, начинай, - сказали мы Володеньке, - сам предложил, сам и начинай.

Володенька взял тюбик и повертел его в руках.

- А что сначала делать? - растерянно спросил он. - Поморин выдавливать или боржоми наливать?

Посоветовались и решили, что сначала, наверное, будем боржоми наливать, а потом поморин выдавливать. А размешать все можно веточкой барбариса. Куст растет рядом.

Так и сделали. Налили в стакан шипящего и негодующего боржоми, выдавили длинную колбаску белоснежного поморина. Размешали веточкой барбариса...

Смесь сердито зашипела, запузырилась и подалась через край. То, что оказалось в стакане, внешне было похоже на молочный коктейль, какие готовят в кафе "Мороженое", но и только. Я сделал один глоток и тут же понял, что пить *этого* ни

за что не буду. Хоть буду умирать от похмельного синдрома. Главным отталкивающим фактором было абсолютное несоответствие между внешним видом коктейля и его, выражаясь поэтически, внутренним содержанием. Это была гадость солено-сладкого вкуса с запахом ментола.

- Я этого пить не буду, - заявил я. - И вам не советую. Мы еще не в армии. Давайте лучше боржоми попьем.

Но Майк с Володенькой некоторое время не сдавались. Володеньке некуда было деваться, сам предложил, а Майку хотелось любой ценой добыть хоть грамм бодрости духа, и они выпили не то по три четверти стакана, не то по полстакана. Расплевались. Затем мы дружно допили остатки боржоми, сели на лавочку и взгрустнули.

- А вроде, как и полегчало, - сказал Майк.

- Блажен, кто верует, - заметил я.

- Нет, натурально полегчало! Володенька, а тебе?

- Да нет... - сказал Володенька, прислушиваясь к организму. - Вроде, нет. Хотя, может быть, и да...

Как странен человек!

Я вдруг с удивлением обнаружил, что скучаю по нашему сараю. Прямо как по родному дому!

И дернуло меня потащить всех в город У.! Как хорошо в поселке имени Ж.! Уютный сарай, теплые бушлаты. Милые родственники. Магазин один. Все понятно. Закрыт - значит закрыт. Понедельник - значит выходной...

Ночевать, нас, конечно, пустили. Устроили на сеновале. У Майка ночью, видимо, открылись какие-то экстра способности, потому что он узрел мой призрак, шатающийся по сеновалу. Утром он снова стал нормальным человеком и долго меня уверял, что это был я в натуре, и у меня, вероятно, был приступ сомнамбулизма. А я его уверял, что нигде ночью не шатался и в какой позе уснул, в такой и проснулся. Кто из нас был прав, так и осталось загадкой...

* * *

6. Когда мы проснулись, был уже вторник...
... Равенство и братство.

Когда мы проснулись, был уже вторник. А вторник - он и в Африке не понедельник.

Сели мы, бодрые и веселые, в автобусик в шесть часов тридцать минут утра и приехали на нем в поселок имени товарища Ж..

Новый день был многообещающим. После обеда должны

были приехать Плоткин С. и Толик, если они, конечно, не передумали. С ними должна была приехать дочь родственников, которую те ждали в день нашего приезда. Кроме того, вечером нам предстояло выступать на местной танцплощадке, и за это т.Пин обещал нам что-то такое заплатить.

Мы сходили в клуб, благополучно получили мою сумку с трешкой и ... Нетрудно догадаться, где мы очутились через десять минут.

О, да! Вторник - это вам не понедельник с поморином!

Заодно выяснилось, что в магазине принимают бутылки. Любые и без очереди. Через это мы поимели небольшую сумму, которая охотно потратилась тут же, не отходя от кассы.

В общем, взбодрились мы. Заодно провели, выражаясь поэтически, производственное совещание.

Слушали и постановили: по случаю приезда товарищей устроить традиционный банкет. За их счет.

Когда говорили про банкет, я вдруг заметил, что нет во мне былого энтузиазма, и радости новизны тоже нет. И у собрания я не заметил ни того, ни другого, ни былого энтузиазма, ни радости новизны. Да, не те мы стали, не те, что были прежде.

Как сурово обходится с нами жизнь! Как она не любит слабых и не щадит бестолковых! Как она капризна и прекрасна! Как она нахальна и удивительна! И все это - выражаясь поэтически!

Совещание затянулось. Мы уже сделались настолько бодры, что это могло быть заметно со стороны. Но это никого не волновало, ни нас, ни тех, кому это могло быть заметно...

Отчего-то нам сделалось грустно. Это была бодрая грусть. Или нет, это была грустная бодрость.

Вот едут Плоткин С. и Толик. Комнатные растения! Они и не знают, что мы прожили здесь большую и трудную жизнь. Такую большую и трудную, что теперь нам грустно, несмотря на бодрость, но, несмотря на грусть, мы все же бодры.

Самое тяжкое мы уже отстрадали. И за себя и за того парня, как сказал поэт, у которого что-то случилось с памятью. Товарищи наши едут в обжитое гнездо. Да и дочь родственников с ними. Стало быть, сегодня вечером наступит мир, будут уничтожены границы государств, и наступит равенство и братство...

Часть II

"Русский человек в дороге не моется и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню..." (А.С.Пушкин)

1. Мы сидели на берегу, на нашей лавочке и смотрели на речку...

...Впервые за всю историю человеческой цивилизации.

Мы сидели на берегу, на нашей лавочке и смотрели на речку. Поодаль стояла группа родственников и вглядывалась в горизонт в ожидании паруса.

Во избежание нового удара по нервам я предупредил их, что в наш полк прибывают двое новых офицеров, после чего родственники внутренне схватились за голову, но шока не испытали, так как, выражаясь поэтически, в свете грядущих неприятностей человек всегда надеется, что ничего неприятного в силу каких-нибудь новых обстоятельств не случится, и это спасает человека, являясь тем стоком, через который стекают последние капли, те, которые переполняют, выражаясь поэтически, бочки.

Как круто я излагаю, однако!

Через некоторое время судно бросило якорь, и пассажиры сошли на берег.

Родственники встретили, наконец, долгожданную дочь, а наша сборная, игравшая весь долгий период в меньшинстве, оказалась в полном составе.

Плоткин С. и Толик не успели еще толком сообразить, где здесь север, а где юг, как им было объявлено, что сегодня мы играем, жить негде, добро пожаловать, здесь холодно и сыро, и вообще, давайте деньги на банкет!

В конце концов, когда мы немного успокоились, а приезжие начали немного соображать, где здесь север, а где юг, Володенька был уже на пути к магазину, а Толик осматривал свой сильно похудевший кошелек (мы сгоряча забрали почти все, что в нем было). Было видно, что Толик готов устроить большой марш протеста , но, сдерживаемый робостью приезжего, он ограничился междометиями и вздохами. После этого он осмотрел нас и задал совсем странный вопрос:

- А вы что, *косые* что ли? Ну, вы даете! Когда же это вы успели?

Мы с Майком посмотрели друг на друга и удивились

откровенно странному языку пришельца, объяснив затем, что, мол, мы чересчур бодры сегодня, и это заметно со стороны.

- Не надо делать поспешных выводов, - сказали мы. - Вот поживете здесь с наше, денька три, сами все поймете.

Мы, как настоящие герои, еще не знали, что самое трудное уже позади, что, отмучавшись за всех, мы обеспечили миру безоблачное небо. Точнее, переменную облачность.

Миниатюрная веранда размером чуть больше купе вагона была забита нами, нашими вещами и моментально прокурена. Плоткин С. предложил тут же пойти дышать воздухом и собирать грибы, как и было запрограммировано, но мы замахали руками, затопали ногами и закричали, что-де какие могут быть грибы, когда - банкет! Банкет это-де наша добрая традиция, а добрые традиции надо поддерживать. А грибы пока подрастут. Да и куда они денутся? Это ведь не наша родная область, где грибы погибают исключительно насильственной смертью, успев познать только раннюю юность. Грибная пора в нашей Геройской области это черное время для ее лесов. Это нашествие варваров. Это эпидемия холеры. Это налет саранчи или вражеской авиации. Это тактика выжженной земли. Это просто-таки геноцид. А что делать? От поездки в лес за грибами редко кто отказывается. И едят грибы даже несмотря, подчас, на жизненный риск, так как нет-нет, да кто-нибудь и отравится. Или даже умрет от отравления, удивляясь самому себе...

Пришел Володенька и принес водку. Володенька явно перестарался, купив ее на все изъятые у Толика. Водки получилось так много, что даже мы с Майком сказали "О!". Я посмотрел на водку и впервые ощутил тревожное чувство. Мне показалось, что уже один вид ее вызывает в моем желудке судорожный протест. Даже вроде как затошнило. Ну и дела!

В общем, банкета не получилось.

Я торжественно поднял свою порцию, и в меня ударил известный всему миру аромат. Мне моментально сделалось так нехорошо, что на лбу выступил холодный пот, а челюсти, защищая доступ вовнутрь, плотно сомкнулись. Я поставил стаканчик на стол. Мне было обидно и противно одновременно.

С Володенькой, казалось, происходило то же самое. Он проделал со своей водкой то же, что и я.

Плоткин С. вообще отказался что-либо пить, объяснив причину отказа так, что никто ничего не понял.

Майк оказался железней всех. Было видно, что его тоже не шибко тянет на угощение, но он героически выпил, и тем самым

отделался от грозящего комплекса. Однако больше пробовать не стал.

Толик заявил, что, вообще-то, он сюда приехал не отдыхать и трескать водку, а *работать*, чтобы получить деньги, но, раз уж такое дело, так и быть, рюмочку он выпьет, но не больше.

- Ну, и банкет, - огорчился Володенька.

- Хорошо погуляли, - согласился я. - А может, бутылка дефективная попалась? Давайте другую откроем и попробуем оттуда.

- Водка как водка, - сказал Толик раздраженно. - Вот вы мне объясните, какого хрена вы потратили столько денег и накупили столько водки? И никто не пьет! Эти не могут, эти не хотят...

- Ничего, - сказал Майк. - Выпьем!

- Вы же говорили, что нам сегодня играть, а сами...

- Ничего, - повторил Майк. - Поиграем и выпьем.

- Не выпьем сегодня - выпьем завтра! - сказал Володенька.

- Не пропадет, - сказал я, но в голосе моем не было той уверенности, какой хотелось бы.

- Все ясно. Пошли за грибами, - сказал Плоткин С.

Толик в это время отчего-то учился на биолого-почвенном факультете ЛГУ имени т.Жданова, и поэтому по лесу он ходил очень сосредоточенный, ловя момент, чтобы применить свои знания на практике. Его практические занятия выливались в то, что он то и дело отправлял в свой пакет какие-то странные грибы, которые на наш взгляд были ни чем иным, как поганками. А поскольку все собранные грибы должны были готовиться в общей посудине, мы все дружно протестовали и призывали Толика прекратить эксперименты на живых людях и собирать только съедобные грибы. Толик сердился, ругался словом "дилетант", но пока подчинялся и поганки выбрасывал.

После грибов мы отправились в клуб готовиться к представлению.

Поиграли мы на редкость хреново, но зато с чувством и с умным видом. Никто ничего не понял. Поняли лишь, что мы приехали в поселок имени Ж.. не только затем, чтобы ходить в магазин и сдавать бутылки. И еще, потанцевав под нашу бодрую музыку, народ не знал, смеяться ему или плакать.

На т.Пина наше выступление произвело, отчего-то, положительное впечатление. Он выразил глубокое сожаление по поводу того, что в его клубе такая дохлая аппаратура, и заверил, что через пару дней он нам устроит выступление в городе У., где, по его мнению, мы сможем развернуться. Так что, сказал он,

готовьтесь.

- А теперь, - торжественно объявил т.Пин, - получите, что заработали. Вы так хорошо играли, что мне не жаль расстаться с этими деньгами.

И выдал каждому где-то рублей по шесть.

- Это тридцать процентов от сбора, - пояснил он. - Больше дать не могу, потому что не имею права.

Мы расписались в получении.

- Это что же это такое?! - спросил Толик, когда мы отправились обратно. - Это как же понимать? Это куда же вы меня привезли? Тридцатник на пятерых! Вы мне что обещали? Вы мне обещали, что нас закидают бабками! Я сюда не грибы собирать приехал, а *работать*!

- А по-моему, здорово получилось, - сказал я. - То ничего не было, а то - бряк, и тридцатник! И дальше можно жить.

Все остальные поддержали меня и согласились, что тридцать рублей это, все-таки, не один рубль, причем почти что даром.

- Как? - вдруг сказал Толик. - Но позвольте... Разве мы не будем делить наши деньги?

- А зачем нам делить *наши* деньги? - удивились мы.

- То есть как это зачем?.. А для чего мы сюда приехали?!

- Я в отпуске, - сказал Майк. - Я отдыхаю. Мне здесь по кайфу. А когда мне за это еще и башляют...

- А зачем делить деньги? - спросил Володенька. - Все равно тут на них можно купить только жратву и выпивку. Не будешь же ты покупать себе отдельно жратву и выпивку?

Володенька - хороший мальчик. Володенька умеет поддержать кайф.

- В самом деле, Толик, - сказал Плоткин С., - что ты будешь делать с этой своей пятёрой?

- Да ну вас на фиг! - приблизительно так сказал Толик. - Делайте, что хотите, только это не заработки.

- А никто и не говорит, что это заработки, - сказал я. - Просто нам сегодня подарили тридцать рублей. Хотя могли бы подарить и больше.

- Все в порядке, - сказал Майк, - жить можно...

- А как тут насчет рыбы? - спросил Плоткин С. - Не ловили?

- Какая там рыба?.. - сказал Володенька, и в его голосе послышались потусторонние низкие тона. - Тут не до рыбы было...

- А я, вообще, не торчу на рыбной ловле, - сказал Майк.

- Да не ловили мы ничего, - сказал я. - Витя перед отъездом, правда, сказал, что мы можем пойти к его папе, если захотим

ловить. Папа даст все, что нужно. И еще у папы поставлен *перемёт* на реке.

- Что поставлено?

- Ну, это такая проволока, от берега до берега, а к ней лески с крючками привязаны. Катайся вдоль перемета и собирай рыбу! Полный кайф!

Мы пришли на веранду. И мы были усталые, но довольные...

Попробовали выпить водки, и опять ничего не вышло. У Майка вышло, а у нас с Володенькой нет. Это все нервы... Как это там поется? Ага, "время стрессов и страстей", вот как поется. Куда ни плюнь, обязательно попадешь в неврастеника. Болезнь века. Комплекс на комплексе. Слаб стал человек.

Пользуясь тем, что мы сидим за столом и культурно кушаем грибы (родственница для нас поджарила, пока мы играли), приведу пример из жизни. Вот как я заработал однажды комплекс под названием "боязнь высоты".

Это было не так давно. Ну, скажем, в 1975 году, летом. В то время в доме номер, скажем, 75 по проспекту не то К.Маркса, не то Ф.Энгельса жил-был мой одноклассник с редкой фамилией Шепталло. В одной из коммунальных квартир этого дома он снимал мизерную комнатку за не менее мизерную плату. Одно время я тоже жил в этой комнатке, и эту мизерную плату мы делили на двоих. Вскоре я перебрался в общагу, поближе к народу, и мой бывший одноклассник остался жить один. И зажил он неплохо. Даже купил себе подержанный телевизор. Этим самым летом тысяча девятьсот, скажем, семьдесят пятого года он надумал ехать в студенческий стройотряд, и я, узнав об этом, решил пожить в его комнате тихой семейной жизнью и отдохнуть немного от близости с народом. С этим я к нему и пришел. Я подарил ему апельсин, и он сказал, что я могу жить в его комнате, сколько мне вздумается и даже первое время бесплатно. "Только, - сказал он, - я потерял ключ от входной двери".

А квартира к этому времени по случаю теплого лета была почти пустой. Все были кто на дачах, кто в отпусках. Жила в квартире только одна женщина, которая то ночевала дома, то не ночевала дома, и вообще было неизвестно, где был ее настоящий дом. Вела она себя чересчур тихо. И двери на звонки она открывала от случая к случаю. То откроет, то не откроет. То ли она кого-то боялась, то ли у нее было плохо со слухом, не знаю, но суть не в этом, а в том, что в результате сложившейся ситуации в квартиру можно было попасть только двумя способами. Первый - звонить и ждать, пока откроют - почти

безнадежный. Один шанс из ста, что откроют. Второй - из окна в окно по внешней стенке - почти стопроцентный. Девяносто девять шансов из ста, что попадешь домой. Почему девяносто девять? А потому, что эта самая женщина могла ни с того, ни с сего закрыть окно изнутри на задвижку и затем исчезнуть. Вот поэтому девяносто девять. А так сто.

В коридоре этой коммунальной квартиры рядом с входной дверью было окно, выходящее во двор. Рядом с этой входной дверью, уже на лестничной площадке тоже было окно, выходящее на тот же двор. Между этими окнами было метра три, и их подоконники сообщались снаружи узеньким каменным выступом. Третий этаж "старофондовского" питерского дома.

- Вот, смотри, - сказал мне одноклассник. - Сейчас я покажу, как ты будешь попадать в квартиру.

Мы вышли на лестничную площадку, и он смело захлопнул дверь. Потом он открыл окно и, как был, в домашних шлепанцах залез на подоконник, бодро прогулялся по внешней стенке и через несколько секунд открыл дверь изнутри.

- Ух ты! - сказал я. - А ну, еще!

Он захлопнул дверь и проделал то же самое. Только на этот раз я следил за ним, высунувшись из окна. Он вылез наружу, повернулся спиной к пропасти, шагнул на выступ и, прижавшись к стенке и цепляясь за шероховатости, начал продвигаться к соседнему окну приставными шажками, добравшись до окна, он пару раз стукнул по раме ногой. Окно открылось, и он очутился в коридоре. Все выглядело легко и изящно.

В общем, мой бывший одноклассник остригся наголо и уехал в стройотряд, а я стал жить в его комнате. Раза три-четыре я проникал в квартиру этим самым способом, и с каждым последующим разом этот способ мне нравился все меньше и меньше. Наконец, наступил роковой четвертый или пятый. Я открыл окно, влез на подоконник, начал двигаться по выступу и вдруг ни с того ни с сего со страшной силой ощутил, какая пропасть находится подо мной. Я подумал, что вот возьму сейчас, разожму пальцы, например, и, так сказать, легким движением руки расшибусь об асфальт в собственное плоское изображение. Я прямо-таки весь одеревенел от страха! Самое главное, что деваться-то было некуда. Стал я двигаться по этому дурацкому выступу, цепляясь за шероховатости. Медленно-медленно. Я год жизни шел по нему. Наконец, совсем деревянный, добрался до окна. Начал в соответствии с инструкциями постукивать ногой по раме. Стучу, стучу, а окно не открывается. Я сильнее стучу, а оно все равно не открывается. Потому как заперто изнутри на задвижку. Один шанс из ста, что его закроет изнутри на задвижку

эта баба с больным слухом и манией преследования. И вот, пожалуйста, она его закрыла! Стою я, колочу ногой по раме и думаю о том, что мне пришел конец. Назад пути не было, условиями эксперимента это не было предусмотрено, а летать я не умел. Мне было очень страшно, и я решил, что придется бабахнуть ногой по стеклу. Мне показалось, что моя жизнь дороже всех имеющихся в СССР стекол и последствий самых крутых скандалов. И только я собрался с духом и приготовился выбить стекло, как вдруг увидел, что через него из глубины коридора смотрит на меня эта самая баба! Женщина. Вот ведь зараза! Ведь я же звонил в дверь перед тем, как лезть на стенку! Стоит она, смотрит на меня, и на лице ее нет никакого выражения. Конечно, не каждый день можно увидеть человека *с той стороны* окна на третьем этаже. В общем, стоит и смотрит. А я к ней обращаюсь очень вежливо. Добрый день, мол, откройте, ПОЖАЛУЙСТА, окно, будьте так любезны, а то я сейчас упаду и убьюсь насмерть. Дальше было, как во сне. Она медленно подошла, открыла окно, медленно повернулась и удалилась. И ни слова. Возможно, это была вовсе и не она, а какая-нибудь сила судьбы, принявшая вид этой бабы. Уж больно все странно вышло. Ведь не было же ее дома! Кстати, после этого я ее вообще никогда не видел. Но дело не в этом, а в том, что воля моя уже была деформирована.

И вот, на следующий дань мне снова надо домой попасть. За дверью, как всегда, не реагируют на звонок. Открыл я окно, встал на подоконник и посмотрел вниз. Смотрю и вижу: далеко внизу бетонные плиты. А на них мужик стоит и смотрит *на меня*. И тут со мной случилась прямо-таки галлюцинация. Я совершенно четко представил себе, что сейчас увидит этот мужик. Я увидел, как я выхожу на этот дурацкий выступ, делаю пару приставных шажков, срываюсь и лечу вниз, легко и стремительно. В общем, мужик этот оказался последней каплей. У меня подкосились ноги, я присел, или, вернее, стек обратно на лестничную площадку. И с тех пор встать, скажем, на табуретку, чтобы ввернуть лампочку в патрон - это у меня сопряжено с усилием на преодоление одервенения в ногах. Вот так народ получает комплексы в век информации и алкоголя.

Ого! Я, кажется, увлекся.

Мы уже давно покончили с грибами и готовимся к ночлегу. Дочь родственников уже успела сообщить радостную весть: в связи с потеплением международного климата и разрядкой, нас пускают на постой, и мы теперь можем спать на сеновале хоть до полного разоружения. И кушать *за столом* на кухне. И вообще.

Плоткин С. тут же заявил, что вечно Вячеслав напридумывает проблемы, когда никаких проблем нет, и мы, вместо того, чтобы героически страдать в сарае под бушлатами, могли бы прекрасно высыпаться на сеновале, а холодные времена проводить в трезвости и тепле на кухне.

Заполночь все полезли на сеновал. На сеновале было темно, и пятерым несколько тесно. Вот четверым - в самый раз. Этими четырьмя оказались: Майк, Володенька, Плоткин С. и Толик. И им было в самый раз. Пятым был я, так как влез на сеновал последним. Они покопошились и начали затихать. А я сижу у них в ногах, потому что мне нет места.

- Гады, - сказал я, - дайте мне лечь, я тоже спать хочу.

А они говорят, ложись, мол, нам не жалко, а сами и не шевелятся, только ногами дрыгают, как припадочные.

- Это есть свинство, - сказал я. - Я на этом сеновале еще в игрушки играл и забил здесь себе место лет десять-двенадцать назад! Двигайтесь, я вам все равно спать не дам!

А они уже засыпают, только Толик хихикает. И все ногами дрыгают, неврастеники.

- Ну и хрен с вами! - сказал я, лег прямо на их ноги и попытался заснуть.

Но это оказалось все равно, что попытаться заснуть внутри рояля во время исполнения первого концерта для фортепиано с оркестром П.И.Чайковского. И отчего это люди, засыпая, так дрыгают ногами?

Тогда я собрал последние силы и под раскаты разнообразных междометий и стонов овладел-таки ничтожным пространством между стеной и еще кем-то.

Было тепло и сухо. Впервые за всю историю человеческой цивилизации.

* * *

2. Мы набрали столько грибов…
…Все, как в жизни.

Мы набрали столько грибов, что хватило бы на обед и ужин целой рабочей династии. По дороге срезали несколько можжевеловых веточек. Эти веточки с ягодами поместили в бутылку с водкой, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Бутылку, ставшую похожей на консервированную новогоднюю елку, поставили в темное прохладное место настаиваться.

А сами направились на любимый склон немного порепетировать перед поездкой в город У.

Вот сидим мы и репетируем.

Володенька на скрипке пилит. И так он старался, что все птицы окрест замолкли, пораженные неслыханными доселе звуками, а из лесу вышел мужик. Он был похож на разбуженного медведя.

- А?.. - ошалело спросил он и осмотрел каждого из нас по отдельности. - А... - сказал он, разглядев Володеньку со скрипкой, и понимающе кивнул. - А я, это, и думаю, где это гармошка играет?..

Потом он крякнул и удалился.

- А почему гармошка? - спросил Толик. - При чем тут гармошка?

- Это у Володеньки надо спросить, - сказал я, - почему он на гармошке играет, а не на скрипке.

- Ничего, - сказал Плоткин С., - зато Володенька из лука умеет стрелять, а это вам не на скрипке играть, тут головой думать надо! И, кстати, кто мне скажет, зачем Володенька лук сюда привез?

- Да, - сказал Володенька, - где обещанные утки? Все грибы, да грибы...

- А почему лук? - заволновался Толик. - Ну при чем тут лук? Давайте репетировать! Мы для чего сюда приехали?

- А ты, что, играть разве сюда приехал? - спросили мы, и от такой наглости Толик замолчал и завздыхал.

- Ну, что, - сказал Володенька, предвидя конец своим мучениям. - Пойдем за луком, что ли?

- В соседских кур будем стрелять? - спросил Майк.

- А что, - сказал Плоткин С., - почему бы и нет?

- Мужики, вы что, серьезно?! - горестно воскликнул Толик. - И зачем я сюда приехал?..

- Зачем же кур? - сказал я. - Как это там у них в спорте? Главное - участвовать. Пойдем в лес, там разберемся.

- Да в кого там стрелять? - спросил Володенька. - В дятлов, что ли?

- А что, едят ведь жаворонков... Зажарим какую-нибудь птичку...

- А если мимо? У меня всего пять стрел. Где тут возьмешь спортивные стрелы?

- Так ты же мастер спорта! Ты со ста метров должен в яблоко попадать.

- То яблоко, - сказал Володенька грустно, - а то птичка...

Надо еще добавить, что к этому времени к нам снова подошел тот самый мужик, что из лесу вышел. Он так расчувствовался, что решил подарить нам самое дорогое, что у него было - свои пустые бутылки... Вот что делает с народом

волшебная сила искусства, выражаясь поэтически!

На веранде обнаружилась катушка от спиннинга, полная лески. Решили, что привяжем леску к стреле, и когда Володенька промажет, стрелу по леске и найдем.

- А вот интересно, разрешена ли сейчас охота или не разрешена? - спросил Володенька.

После обсуждения было решено, что нас это не должно касаться, и вообще, видел ли где Володенька объявление о том, что охота с луком запрещена?

В общем, вооружились мы, и, обнажив оружие, отправились в лес.

И уже в который раз мирные жители попрятались в избах и захлопнули ставни.

Мы долго ходили по лесу, задрав головы, в поисках птичек. Птичек не было. Было тихо и грустно. Особенно грустно было Володеньке.

- И зачем я тащил сюда лук?.. - спросил он.

- Надо было предупредить, что он таких размеров, - сказал я. - Если бы мне *это* показали и не сказали, что это лук, я бы ни за что не догадался, что это лук. Это скорее ружье. С двумя прикладами. И без ствола...

Походили по лесу. Пособирали грибы и пустые бутылки. Побрели домой.

Вышли на берег. Володенька пострелял в веточку. Толик пострелял в веточку.

И вдруг чей-то внутренний голос произнес нечто, да так громко, что все услышали:

- Ане поиграть ли нам в картишки?..

И все замерли, прислушиваясь. К новым мыслям всегда надо сначала прислушаться. Но не успели мы прислушаться, как следует, как с небес раздался Голос. Не громкий и не тихий, не мужской и не женский. Голос спросил:

- А не поиграть ли вам в *преф*?

Майк, Володенька и я замерли, пораженные.

Плоткин С. посмотрел на нас и тоже замер.

Один Толик шел дальше, он не слышал Голоса с небес.

- А-а-а!!! - Закричали Майк, Володенька и я и ударились оземь. - Эй, где же Ты *раньше* был?! Как же это не пришло в наши пьяные головы еще тогда, на заре цивилизации? Преф! А-а-а!

- Что ж, - сказал Плоткин С., - идея не дурна. Все лучше, чем запрещенная охота на дятлов. Только с кем играть, с вами, что ли?

- Спокойно, - сказал Майк.

- А почему преферанс? - спросил Толик. - А при чем тут преферанс? Что это такое?

- Преферанс, - сказали мы, - это... это... Ну, это... Это мизер, перебитый десятерной! Вот что это такое! А ты разве не знал?

- Нет, - сказал Толик. - Я не умею играть в преферанс.

- Сейчас мы тебя научим, - сказали мы. - Ты не расстраивайся. Будешь для начала с кем-нибудь на одной лапе сидеть.

- А при чем тут лапа? - не понял Толик.

Карты мы нашли на веранде, в ящике стола. Тут же и отправились на наш склон к любимому пеньку.

- Смотри, Толик, - сказали мы, рассевшись, - главное, взять столько взяток, сколько заказываешь, и...

- А это как? крыть, что ли? А шестерка туза берет?

Так для Толика началось, выражаясь поэтически, черное время. Но он еще не знал, что нас уже ничто не остановит, и прилагал все усилия, чтобы не быть выброшенным за борт набегающей *одинокой* волной. Он старался! Старались и мы. Но из общих этих стараний ничего не вышло. Это оказалось все равно, что накормить сытого или напоить непьющего. Можно, конечно, и накормить сытого и напоить непьющего, но что получится? Отрыжка получится, выражаясь совсем не поэтически.

Что с Толиком и случилось.

И волна накатила, подняла его и вынесла на унылый пустой берег.

Через несколько часов мы превратились в сильно занятых взрослых дядей, а Толик в скучающего ребенка, которому эти самые дяди говорят: "Уйди отсюда, мальчик, не мешай", - а мальчик все бегает вокруг и дергает дядей за рукав, то одного, то другого, и все говорит: "Дядя, дядя, мне скучно, поиграй со мной", - а дядя механически отвечает: "Сейчас, сейчас", - и тут же забывает об этом, так как занят серьезной научной проблемой, решает мировые вопросы, сеет и жнет, планирует и выполняет, падает и поднимается, опускается или поднимает других...

И вообще, кто виноват, что Толик оказался сытым и непьющим?

Первый вечер он *героически* выдержал. Почему героически? А вот прочтите отвлеченно, что Толик слушал в течение вечерних, ночных и утренних последующих часов, сидя на кушетке на веранде, и вам станет ясно, почему Толик - герой.

.....

- Покрутили?

- Как будем, по полкопеечки?

- По полкопеечки. Символически.
- Ни фига, не символически!
- Разберемся.
- Эх, да раздавай!
- И, кстати, за обсдачу - два в гору.
- И в морду тоже. Будем в морду кидать?
- Будем, будем! Любимое занятие.
- Ваше слово, товарищ маузер!
- А ты наливай пока.
- Раз.
- Раз...
- Он "раз" сказал? Ты "раз" сказал?
- Раз.
- Два.
- Два... Ты "два" сказал?
- Два.
- Пас.
- Здесь.
- Играй.
- А что там? А-а?
- На раз в приход.
- Кури больше, партнер дуреет...
- Шесть бубен!
- Кто играет шесть бубен...
- Вист.
- Пас.
- Чей ход? Его ход?
- Кто сдавал?
- Я сдавал, его ход.
- Кидай.
- Ложись.
- Так... Без лапы.
- А ты давай, кидай!
- Так. Четыре-четыре. И одна...
- Своя!
- Какая своя!
- Тут четыре?
- Четыре.
- И тут по одной.
- Третья дама, что ли?
- Расклад...
- Покажи!
- Ни фига! Покрутим.
- Ну, на, смотри! Мои? И это. А это ваше.

- Везет дуракам.
- Кто пишет? Запиши два.
- И вистики.
- Кто, ты вистовал?
- Я.
- Ну, сам и пиши.
- Наливай.
- Сначала сдай, потом закуривай!
- Кто сдавал? Ты сдавал?
- Я сдавал. Он сдает.
- Наливай!
- Да куда спешить? Не хватит...
- Не выключай.
- Раскурились...
- Партнер уже дуреет!
- Ваше слово...
- Скажу-ка я... Пас!
- Двое нас.
- Хе-хе!
- Два паса, в прикупе...
- Колбаса.
- Хрен с вами, беру на раз.
- А ну... ОГО!
- ...!
- На раз в приход, хе-хе!
- Ух...
- И как ЭТО люди пьют?
- Не нравится - не пей!
- Обязаловка, господа!
- Так скромно?
- Кидай, чего там...
- Под игрока...
- Так.
- Эх...
- Одного нет.
- Вячеслав, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?
- Спасибо, Вячеслав!
- Ладно, мы за мир!
- Все, своя! Хе-хе! Я был без лапы!
- С таким прикупом?
- Сами пасовали! Ты бы видел, что у меня было
- Все, Вячеславу больше не наливаем!
- Спокойно, я вам сейчас...
- Дядя, дядя, я гулять хочу!

- Уйди отсюда, мальчик, не мешай!

... И через два часа:
- Семь первых.
- Вторых.
- Третьих.
- Ну, вы нахал!..
- Пас?
- На, бери!
- А-а-а!
- О-о-о!
- Володенька, ты хороший человек, но запиши себе два в гору.
- В морду?
- В морду!
- А что, для мизера - ничего.
- Семь третьих.
- Вист.
- Пас.
- Ляжем?
- Наш ход?
- Ваш ход.
- Давай, ложись.
- Так... Пять-пять. Да во пикях...
- Две.
- Две? Какие две?
- Так... И тут марьяж.
- Согласны? Своя?
- Ни фига...
- Без лапы человек.
- Иди-ка ты на ...!
- Да? Он без лапы? Ты согласен?
- Крути!
- Ну и сволочи вы, ребята! (Толик).
- Толик, ну иди, посиди на лапе...
- А ну вас!..

- Что, вышел?
- Кидай!
- Не свети.
- Ладно, без одной.
- Давно бы так.
- Наливай.
- Сдавай.
- Не выключай!

... И еще через два часа:
- Вячеслав! Кто так играет?!
- Это Вячеслав так играет.
- А тебя зато недавно на ... послали.
- Ха-ха-ха! Вячеслав, с меня десять копеек, как приедем.
- Сдавай.
- А на что ты закладывался?
- Ну, как... Вот тут... Вроде как... Того.
- Ясно.
- Запиши ему два в гору.
- С огромным удовольствием!
- Так...
- Что это?..
- Да. Что это тут?
- О...
- ОБСДАЧА!
- А-а-а!
- О-о-о!
- У-у-у!
- В гору ему!
- У нас все кончилось?
- Да. Моторов тут нет.
- А у дяди?
- И у дяди.
- Пересдавай.
- Смотрите, Толик спит.
- Толик, ты спишь?
- Как же! Уснешь тут! Сволочи вы.
- Нет, не спит.
- А зря.
- Все, я пошел на сеновал. Мы завтра будем репетировать?
- А? Непременно. Раз.
- Два.
- Три!
- Опять он...
- Ладно, пас. Шутка.
- Восемь первых.
- А, ну так бы и сказал. Бери.
- ПАДАЮ!
- Падаешь?
- Он падает? Ты падаешь?
- Падаю!
- Диктуй.

. . . . . .
. . . . . .
- Семь первых.
- Вторых.
- Третьих.
- Играй.
- Восемь первых.
- Пас.
- Вист.
- Играй.
- Своя.
- Согласен.
. . . . . .
. . . . . .
- Восемь первых.
- Вторых.
- Третьих.
- Играй.
. . . . . .
. . . . . .
- Падаю.
- Диктуй.
- Везет дуракам!
- Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал!..
- Двадцать копеек, как приедем.

Часов через шесть-восемь, когда в головах у всех зазвучали колокола, а в глазах появился не совсем здоровый блеск, мы, наконец, насытились.

Листочек бумаги, утративший свою невинность с тех пор, как на нем была начертана пуля, пестрел цифрами, колесами и кое-где зубами.

Все на него уставились.

- Ну, - сказал Володенька, - сколько мне должны?

- А почему тебе? А может и мне?

- А кто умеет считать? Ты умеешь?

- Ну, я... Как сказать... А ты?

- И я вроде когда-то видел.

Выяснилось, что никто не умеет толком считать пулю, несмотря на то, что двое из нас готовились стать математиками

- И чему вас только там учат? - заметили по этому поводу необразованные Майк и я.

В конце концов, кое-как произвели подсчеты, и, хотя выяснилось, что проигравшие проиграли несколько меньше, чем

выиграли выигравшие, никто духом не упал.

- Приблизительно верно, - сказал Плоткин С., - сойдет. На том и порешили.

Ночью, то есть уже не ночью, мне снились пики, кресты, черви и бубны. Тузы тузили валетов, дамы визжали и были третьими, фоски ругались неприличными словами, короли собирали моховики и жарили их на свином жире. Все как в жизни.

* * *

3. Родственники давно уже встали…
…Спокойной ночи, товарищи!

Родственники давно уже встали. И даже успели отобедать. Нас не трогали и ничему уже не удивлялись, с героическим терпением ожидая конца нашествия марсиан. То была короткая пора мирного сосуществования.

Пробудившись, мы отправились в столовую, которую, с немалым удивлением, обнаружили около магазинов. Местные жители с нами здоровались, приветливо махали руками из огородов. Бабки констатировали: во, в магазин пошли! - и спешили подвести ходики. Все шло своим порядком.

- Вот какие столовые будут в светлом будущем! - сказал я, когда мы стояли перед ценником. - А? Котлеты с гарниром - 20 копеек! Суп - 17 копеек полная порция!

- И чего мы раньше мучались? - спросил Володенька.

- Да вы вообще придурки, - сказал Плоткин С. - Йоги недорезанные.

- Давайте хавать, - предложил Майк.

- Что будем брать?

Решили, что возьмем котлеты.

- А мне блинчики с мясом, - сказал Толик.

Из первого решили есть щи.

- А мне солянку, - сказал Толик.

- А пить что будем?

- Чай, чай!

- А мне два стакана, - сказал Толик. - И хлеба побольше. Пять кусков мне.

Я заметил, что Майк хотел что-то спросить, потом подумал и не спросил.

- Ладно, возьми и мне котлеты, - сказал Толик Плоткину С. -

И блинчики. Котлеты и блинчики.

Майк опять хотел что-то спросить, но опять не спросил.

- Мужики... - проговорил Володенька, когда мы сидели за столом и доедали щи. - Мужики... - От волнения он задыхался. - Котлеты... с мясом!

- Как?! - вскричали мы. - Не может быть!

- Я попробовал! С мясом!

Мы поспешно откусили по кусочку от своих котлет. Потом посмотрели по сторонам. Люди спокойно ели и ничему не удивлялись.

- А? - торжественно произнес я. - Вот такие котлеты и будут есть в светлом будущем! А вы сюда ехать не хотели! Где бы вы еще попробовали котлет с мясом?

После огромной порции солянки и котлет Толик уже не ел, а работал. Эта работа заключалась в поедании блинчиков с мясом. И он их съел, хотя я до самого конца не верил, что он их одолеет. А он одолел. И два стакана чая выпил. И хлебом закусил.

- Ну, это же совсем другое дело! - сказал Майк, театрально грассируя, когда мы вышли из столовой.

- Да, - сказал Плоткин С. - А то грибы-то оно, конечно, хорошо...

- Можно еще и рыбки половить, - предложил я.

- Вот именно, - оживился Плоткин С. - Ну ее в задницу, эту музыку! Давайте отдыхать, как все люди. Рыбы наловим, уху сварим.

- Ловите себе, - сказал Майк, - а я не люблю рыбу ловить.

- А ты, Володенька, будешь?

- Буду.

- А ты, Толик?

- Мужики, давайте репетировать! Облажаемся! Работать надо!

- Я не облажаюсь, - сказал Майк. - Впрочем, можно и порепетировать.

- Не облажаемся, - вдруг заявил Володенька, за что был похлопан по плечу.

Толик вдруг остановился. Все тоже остановились.

- Там мороженое продается, - сказал Толик. - Я мороженого хочу.

- Да ладно тебе, - сказали мы ему. - Далеко возвращаться. Потом купим.

Мы уже пошли было дальше, но Толик остался на месте.

- Нет, - сказал он, - я сейчас хочу. И пряники там продаются. Я и пряников хочу.

- Толик, - заговорили мы, - ну, мы ведь только похавали. Да и деньги надо бы поэкономить.

- А на бутылку, небось, сразу найдется!

- Ну, так ведь это...

- Дайте мне денег, - сказал Толик. - Я пойду назад. Я *хочу* мороженого и пряников.

Плоткин С., у которого хранились все деньги, полез в кошелек и вручил Толику рубль. Толик немедленно отправился обратно.

Тут Майк, наконец, задал свой вопрос.

- Скажите мне, "Капрем", - сказал он. - А ваш Толик, случайно, не мудак?

Мы долго шли молча, и мне сделалось ужасно смешно, что вот идем мы и долго и сосредоточенно думаем, мудак Толик или нет.

- Да как тебе сказать, - заговорил первым добрый Володенька. - Нет, вроде...

- Ну он... - задумчиво сказал Плоткин С. - Вроде как и... А вроде как и...

- Трудно ответить, - сказал я. - Сложный вопрос.

- А мне кажется, - сказал Майк, - что так оно и есть. Впрочем, это ваши трудности, как любит выражаться товарищ Плоткин С.

- Ну, человек он такой, - сказал Плоткин С., он учился когда-то с Толиком в одном классе. - Трудная жизнь, суровое детство...

- Тем более непонятно, - сказал Майк. - И зачем так много жрать?

- Что ты пристал к человеку? - спросил добрый Володенька. - Хочется ему, вот он и ест. Жалко что ли?

- Жалко! - сказал Майк. - Башли-то общие. Давайте тогда отдадим ему его файв, сам просил.

- Ладно, он и так несчастный, - сказал Плоткин С.

- Это все из-за префа, - заметил я.

- Хо! А кто виноват? Любой бы уже давно въехал.

- Такой человек, - сказал Плоткин С. - С кем не бывает. Это его трудности.

- Разве что на бас-гитаре он играет вроде бы ничего, - сказал Майк, - а в остальном он, все-таки, мудак.

Около дома родственников мы разделились. Майк отправился на веранду, а мы пошли к Витиному дому.

Витин папа извлек из сарая длинное удилище с леской и повел нас к реке. Там мы сели в лодку и отправились смотреть, что это за штука такая - перемёт.

В нужном месте Витин папа направил лодку к берегу и указал

на колышек, к которому была прикреплена толстая стальная проволока, уходящая под воду в сторону противоположного дальнего берега. Река в этом месте была широка, глубока и, как выяснилось скоро, сильна.

- Вот, - сказал Витин папа. - Это перемёт. Знаете?

- Мы знаем, - заверили мы его. - Мы слыхали...

- А, - сказал он и чему-то ухмыльнулся. - Ну вот, надо ее подцепить вот здесь, пока мелко, и перебирать вдоль, да червяков цеплять, где нет, да не упустить проволоку, а не то возвращаться будете... Или помочь?

- Нет, спасибо, - сказали мы. - Мы все поняли, вы не беспокойтесь.

- Ну, да, - сказал он, - я и говорю, пару раз пройдетесь, приспособитесь... Вот, червяки-то, тут.

И он сошел на берег, оставив нас на предстоящий позор. Надо сказать заранее, что это была наша первая и последняя рыбалка. А еще говорят, что попытка не пытка...

Началось все очень даже прилично. Володенька как спортсмен сел за весла, мы подцепили у берега проволоку, ухватились за нее и, медленно перебирая, начали продвигаться к середине реки. Как дошли до первой лески с крючком, тут и началось...

Дело в том, что у этой речки обнаружилось страшное течение, словно исток ее находился на вершине Эльбруса, стоящего неподалеку. Хоть бы предупредили...

В общем, держу я перемёт в руке, Плоткин С. червяка из банки выковыривает, Володенька весла сушит, а лодку натурально и весьма охотно сносит течением, а перемёт отпустить я не могу, потому как под нами глубоко, и его уже будет не достать.

Проволока режет руки, натягивается, лодка из-под меня уходит, а бороться одной левой с неслабым течением я не в силах.

- Володенька!!! - кричу. - Черт тебя дери! Подгребай! Сейчас упаду!!!

- Да куда ты гребешь?! - орет Плоткин С., оценив ситуацию. - Ах, трам-та-ра-рам!!!

- Упаду! - кричу я. - За кого меня здесь держат?!

Тут Володенька напрягается изо всех сил.

- Трам-та-ра-рам!!! - кричит Плоткин С., едва успевая нырнуть под проволоку, что я уже успел сделать. - Потише!

Тут Володенька перестает грести, и нас опять сносит, мы опять ныряем под проволоку и уже вдвоем держим натянувшуюся струну из последних сил, при этом дурацкий крючок с червяком,

которого Плоткин С. успел, все же, насадить, цепляется мне за рукав, и это уже совсем хреново, потому что уже тем более нельзя разжать пальцы. Еще один крючок впивается в борт лодки.

- Греби!!! - кричим мы страшными голосами. - Не греби!!! Куда?! Сюда давай! Ах, трам-тебя-та-ра-рам! Стой!!! А-а- а!!!

Лодка под Володенькиным управлением то ныряет под проволоку, то улетает от нее, то начинает вертеться.

Рыба, если она и была до этого в речке, после учиненных нами криков и ругани поспешила унести свои плавники от греха подальше, плюнув на всех наших червяков.

И все же мы какими-то нечеловеческими усилиями прошли дальше середины реки и там сдались. Проклиная такой изощренный способ рыбной ловли, мы, не без торжественности и с междометиями, бросили эту проклятую проволоку с крючками и лесками и, обессиленные и опозоренные, уселись на скамеечку перед обессиленным и опозоренным Володенькой.

Перемёт исчез в глубине.

- Ну тебя, Вячеслав, с твоим кретинским переметом! -сказал Плоткин С. - Нет чтобы как все люди, на удочку...

- А как хорошо без перемёта, - заметил я. - Спокойно, тихо.

- И не грести можно, - сказал Володенька. - И не орет никто.

- Давай, греби вон в те камыши, там закинем.

Часа через полтора стало ясно, что ухи нынче нам не видать, как своих ушей. Мы с позором сошли на берег и предпочитали долго не вспоминать о сорванном мероприятии.

На веранде царила творческая атмосфера. Толик готовился в художники и что-то рисовал. Майк сочинял очередной текст.

- Вячеслав, - сказал он, когда мы вошли. - Щами...

- Чем? - спросил я. - Кого?

- Надо слово вставить. "Как вкусно пахнет - хм-хм - щами".

Все принюхались.

- Вроде щами, - предложил я.

- Где-то щами, - сказал Володенька.

- Как-то щами, - добавил Плоткин С.

Толик отложил карандаш и задумался.

- Очень щами, - сказал я.

- Не поймут, - заметил Плоткин С.

- Пакля, рвакля, шмакля, гакля, - сказал Володенька.

- Это хит, - сказал Майк. - Я хит придумал.

- Видно щами, - предложил я.

- Видно, пахнет... Нет.

- Кашей, запятая, щами, - не сдавался я.

- Каша не пахнет, - подал голос Толик.

- Если подгорит, то пахнет, - возразил Володенька.

- Хреном, щами, - сказал Плоткин С.

- Пожалуй, вставлю "вроде", - сказал Майк и взялся за ручку.

- Явно щами, - громко объявил Толик.

- О! - сказал Майк. - Толик, ты гигант мысли! "Явно щами"! О`кей, слушайте.

- Ну что, может быть, распишем? - предложил Плоткин С., после того как Майк исполнил свое новое произведение.

- Самое время, - согласился Володенька.

- Мужики! - закричал Толик. - Да вы что?! Мы же в городе У. играем сегодня! Давайте репетировать!

- Да, ну... - заныли мы. - Чего там репетировать? И так все ясно.

- Может быть, того?.. - спросил Володенька. - И закусим.

- Явно щами.

- Володенька, я тебя не узнаю, - сказал Толик. - В кого ты тут превратился?

- Я сам себя не узнаю, - печально сказал Володенька.

- Да что-то не хочется, - сказал Майк.

- Я не буду, - сказал я честно.

- И я не буду, - присоединился Плоткин С.

- Теперь я этих не узнаю, - сказал Толик.

- А давайте, в самом деле, пулю распишем, - сказал Майк. - Хоть до двадцати.

- Охренели вы со своими картами, - сказал Толик в отчаянии.

- Это точно, - согласились мы.

Но до пули дело не дошло, так как к дому подкатил автобус, и нам объявили, что ехать подано.

- Кстати, - сказал т.Пин, - я не знал, как о вас давать объявление. "Капитальный Ремонт" или "Аквариум"?

- Что?! - возмутился Майк. - "Аквариум" тут причем?

- "Аквариум"! - закричали мы. - Даешь! Ха-ха-ха!

- Что... Я что-нибудь не так?.. - смутился т.Пин.

Шум и трезвый дебош на сцене танцплощадки города У.(той самой!) удался на славу. Собравшаяся толпа была довольна неожиданным сюрпризом, свистела, кричала и на все была согласна. Даже Толик не выдержал и решил не ударить лицом в грязь.

Играем мы что-то такое развеселое, и я вижу, что Майк желает мне что-то сообщить. Я подпрыгнул к нему, и он проорал мне в ухо: "Вячеслав! Посмотри на Толика!"

Я оглянулся и не поверил своим глазам. Толик не стоял на

месте, как обычно, а производил какие-то очень удивительные движения. Одна нога у него была впереди, а другая позади, и он поочередно ими тяжело топал по сцене и раскачивался вперед-назад, вперед-назад, и лицо его при этом было чрезвычайно серьезным.

- Ого! - крикнул я Майку и попал в микрофон.

- Ого-о-о-о! - согласились на площадке.

- Похож на бульдозер! - крикнул Майк.

И в самом деле, что-то такое от бульдозера в Толике в этот момент было. Впечатление усиливали огромные ботинки на толстой подошве.

В одиннадцатом часу все кончилось.

У сцены возник восторженный т.Пин.

- Ну! - радостно воскликнул он. - Все хорошо! Да мы... Да я вам... Гастроль! В Париж! В Лондон! Или даже в Вологду! Все. Едем в Вологду. Потом в Париж.

По дороге обратно, в глухом лесу, водитель вдруг остановил автобус и включил свет в салоне.

Т.Пин желал провести собрание. Для начала он одарил всех деньгами. Рублей, этак, по 12 (двенадцать) на брата, таким образом, в нашей кассе прибавилось рублей, этак, 60 (шестьдесят), чему мы, безусловно, были рады, так как нашей фирме грозил очередной финансовый кризис.

После вступительной речи т.Пин перешел к повестке дня (точнее ночи) и извлек из своего портфеля бутылку водки, что вызвало овации в зале.

Стакан был один.

Я с ужасом ждал своей очереди. И когда она подошла, я собрал все силы, зажмурился, закупорился и выкушал мерзкую жидкость, проглотив затем помидор, появившийся из того же портфеля.

К огромному нашему удивлению водитель тоже спокойно угостился водкой, а затем, как ни в чем не бывало, сел за руль, и мы поехали дальше.

Спустя несколько дней в газете "Вперед" появилась заметка. В начале этой заметки все было нормально. Что-то такое про культурные обмены в районе и т.д. и т.п. Когда очередь дошла до поселка имени Ж.., стало весело. Мы прочитали:

"... такого-то августа представители дома культуры поселка имени товарища Ж.. посетили город У. ВИА "Вечерние ритмы" (это мы, стало быть) под руководством завклубом т.Пина провел танцевальный вечер. Со сцены лились (как может течь куча

металлолома) песни советских (Майк и я) и зарубежных (М.Джеггер, Д.Леннон, Ч.Берри, М.Болан...) авторов".

Но это было через несколько дней, а пока ВИА "Вечерние ритмы" усаживался за стол и расчерчивал пулю. Толик (бас-гитара) поочередно дергал всех за рукав, но...

- Кто сдавал? Ты сдавал?

- Он сдавал.

- Я сдавал.

. . . . . .

Спокойной ночи, товарищи!

* * *

4. Новый день начался так же, как и прошлый...
...Местная, а потому - солнечная.

Новый день начался так же, как прошлый: утро в два часа дня и обед в столовой.

Первым культурным мероприятием по плану был сбор грибов и бутылок.

Грибов мы нарвали, как обычно, что-то около ведра и уселись чистить их и мыть на свежем воздухе, за огородом родственников, на лавочке у забора. Вот сидим и чистим. И, помнится, ругаемся с Толиком. Толик снова взялся за свои ботанические эксперименты и на этот раз, проявив настойчивость, нарвал-таки поганок и даже попытался угостить ими нас на ужин, подложив эти грибы ко всем остальным. Мы все дружно заорали, что еще в своем уме и желаем побыть в нем подольше, а Толик рассердился и стал собирать грибы отдельно. Теперь он их отдельно чистил и мыл. Мы ему, не переставая, напоминали о том, что жизнь хороша, и жить хорошо, о семье и детях, о нас, наконец, то есть о том, что он нам прикажет с ним делать, когда он отравится, а все к тому и идет. Каждый вспомнил по два-три случая из истории человечества об отравлении грибами, но Толик уперся, выражаясь поэтически, как баран, и все твердил: "Это грибы "зонтики", а вы кретины."

- Тебе что, будет легче, если ты будешь знать, что отравился "зонтиками", а не бледными поганками? - спросили мы.

- Это съедобные грибы, - сказал Толик. - Я читал и видел на картинке.

Мы заорали, что тоже грамотные, книжки читаем, но ни разу поганок среди съедобных грибов не видели.

- Да не ешьте! - рассердился Толик. - Я вас не заставляю. А я съем!

- Нам еще играть. Ты о нас подумал?

- Отстаньте от меня! Я их пожарю отдельно. Я вам всем докажу!

- Толик, - сказал Плоткин С., - честное пионерское, мы верим, что это замечательные и съедобные грибы! Верим?

- Верим!

- Только ты их не ешь, останься человеком, а?

- Съем!

Тут рядом с нами раздалось бульканье и бормотание. Мы подняли головы и увидели смертельно пьяного инопланетянина. Он смотрел на нас своими инопланетными прозрачными глазами, качаясь во все стороны света, и говорил уже, видимо, давно и не переставая.

Минуты три мы его внимательно слушали, но не поняли абсолютно ничего, хотя существо отчаянно жестикулировало.

- О чем это он? - спросил Володенька.

- Физкульт-привет, товарищ! - сказал Майк.

- Хинди-руси бхай-бхай, - добавил я.

Существо на секунду изумленно замолчало, но затем с новой силой, уже начиная волноваться, продолжило свою речь.

- Может быть, это местный леший? - спросил я.

- А, может быть, он просто закурить просит? - предположил Плоткин С.

- Что? Закурить? - спросил Майк у существа и показал жестом, как глухому.

Существо замычало, замотало головой, икнуло и снова заговорило.

- Хорошо излагает, - сказал Плоткин С. - Только непонятно... Нихт ферштейн.

- А давайте послушаем, - предложил Володенька, и все, отложив грибы, уставились на пришельца.

- Хр-хр... Бу-бу-бу, и я не трам-та-ра-рам через тра-та-та и поплавки и хр-р-р чмок-чпок, у-лю-лю, пш-ш-ш, п-п-плавки, вона, а не трам-та-ра-рам налево-направо! -усиленно вещало существо. - Я там - трам, а вы тут - та-ра-рам, п-п-плавки чист-чик-чирик! Пш-ш-ш, р-р-р, чмок-чпок!

- Я, кроме "та-ра-рам", ничего не понял, - сообщил Володенька.

- Это и мы поняли, - сказал я.

- Он то ли про рыбалку, то ли про какие-то плавки говорит, - сказал Толик.

- Может, у него плавки украли? - предположил Майк. - А он на нас думает.

- Или поплавки с удочки срезали, - сказал Володенька.

- Все! Я понял! - объявил Плоткин С.- *Поплавки*! (Существо радостно закивало.) Знаете, что такое поплавки?

- Сыроежки! - вспомнил я.

- Тр-р-р, пр-р-р! Сыроежш-шки! Я трам-та-ра-рам, вашу так, п-п-плавки, бэ-э-э! - обрадовался пришелец и опять закивал.

- Ну, поплавки. Ну и что? - спросил Володенька

- Знакомый гриб? - обратился Плоткин С. к существу. - Что? Поплавки собирали? Тоже? Знаете? А?

Тут существо сильно оскорбилось, посмотрело на нас сердито, обреченно махнуло рукой и побрело прочь. Межпланетный контакт не состоялся.

- Это серьезно, - заметил Майк.

- Полчаса человек нам что-то говорил, а мы ничего не поняли, - сказал Толик.

- Это он, наверное, твои зонтики увидел, - сказал Володенька, - и хотел сказать, что это не поплавки.

- Вот, опять! - заволновался Толик. - Наоборот, он хотел сказать, что тоже такие собирал, и что они похожи на поплавки.

- Вот схаваешь, будешь таким же, как он, - сказал Майк.

Когда мы почистили грибы и вернулись во двор, нам было заявлено, что мирное сосуществование - мирным сосуществованием, а сено косить надо. Пора!

Мы согласились, что раз пора, значит надо косить сено.

- Правильно, дети, - сказали нам. - А где хранят сено?

- Где? - спросили мы.

- На сено...

- ...вале! - догадались мы.

- Правильно, - сказали нам и дружески похлопали ни плечам. - Догадливые, господа офицеры.

- В сарае все не поместимся, - сказал я, когда мы пришли на веранду.

- Одни здесь будут спать, другие там, - предложил Толик.

- Правильно, - согласился Майк. - Вы с Плоткиным С. пойдете туда, а мы здесь будем спать.

- Ни фига! - сказал Плоткин С. - Почему это мы?

- Потому что мы уже там спали, - сказал Володенька.

- А кто вас просил там спать? Могли бы спать и на сеновале, нечего Вячеслава было слушать.

- И не заниматься *бухней*, - добавил Толик.

- А мы не занимались *бухней*, - сказал я.

- Бухня... - произнес Володенька. - Выражение-то какое!

- От слова "бух", - сказал Майк.

Спор кончился тем, что решили выкинуть на спичках, кому

здесь оставаться, кому в сарай топать.

Тут вдруг на веранде появился т.Пин с бумажкой в руке.

- Вот, - сказал он с порога, - распишитесь, - и положил на стол бумажку.

Это была составленная по всей форме платежная ведомость.

В ней были наши фамилии и против каждой из них надпись: "1 руб."

Мы молча расписались и уставились на т.Пина.

- Это командировочные, - пояснил т.Пин, выкладывая на стол новенькие бумажки достоинством один рубль каждая. - Как положено. Пока.

И ушел.

Мы помолчали, рассматривая бумажки достоинством один рубль каждая.

- М-да, - сказал, наконец, Плоткин С. - Что деется?

- Что-то тут все не так, - сказал Володенька. - Котлеты с мясом, честный завклубом...

- Будь уверен, - сказал Майк, - он на нас свое поимел, гадом буду!

- Конечно, поимел, - согласился Толик.

- Подсчитать можно, - сказал Плоткин С. - Сколько там, примерно, было на площадке?

Мы слегка прикинули и пришли к нетрудному выводу, что т.Пин - нормальный завклубом и дело свое знает.

- А ты говоришь "с мясом", - сказал Плоткин С. Володеньке.

- В морду ему надо было кинуть, - сказал Володенька.

- И два в гору, - добавил Майк.

- Поздно, - сказал я. - Мы все равно без лапы.

- Какая лапа? - занервничал Толик. - Ну причем тут лапа?

- Ну что, будем считать, что скинулись? - спросил я.

Майк поднял вверх указательный палец. Толик завздыхал.

В поход отправилась старая гвардия: Майк, Володенька и я. Толик со своими "зонтиками" пошел на кухню. Плоткин С. последовал туда же, жарить и охранять от Толика остальные грибы.

Мы вышли на улицу и увидели идущего нам на встречу т.Пина. Он тоже нас увидел и отчего-то засуетился, предпринял было попытку убежать, потом попробовал сделать вид, что нас не замечает, но так как деться ему было некуда, поскольку улочки в поселке имени Ж.. узкие, а переулков вовсе нет, ему пришлось нас заметить и пойти на сближение.

Мы его тепло поблагодарили за пять рублей, а затем поинтересовались, как там насчет Вологды и Парижа.

- Да я...- замялся т. Пин.- Вологда далеко, а я... В отпуске! Да. С завтрашнего дня. Уезжаю надолго. Так что... - Он развел руками.

- Вот как? - удивились мы. - Ну, а как насчет здесь поиграть?

- Э-э-э... - снова заныл т. Пин. - Ребята наши, ансамбль... Они сами играть хотят. Вы же понимаете, тут такой народ...

- Понимаем, - кивнули мы. - Тут крутой народ.

- Да-да... Но я, пожалуй, смогу с ними договориться. Да. Если вы согласны играть... бесплатно. Ну, тут такая ситуация. Сегодня. Будете играть?

- Ну, что же, - сказали мы. - Можно и поиграть. В фонд голодающих Вологодского района Парижской области.

- Все. Договорились. Сегодня играете.

И т. Пин убежал.

- Ясно, - сказал Майк. - Товарищ делает ноги.

- Да, не хотят нас тут больше, - сказал я.

- А вы слышали, - спросил Володенька, - кто-то тут говорил, что уже *интересовались*, кто мы такие и о чем это поем не по-русски?

- Кто интересовался?

- Баба какая-то. Женщина. Откуда-то сверху.

- Голые бабы по небу летят, - продекламировал Майк, - в баню попал реактивный снаряд.

- Слышали, - засмеялся я.

- Есть еще другой конец: "А город подумал, ученья идут".

- Так что будем делать? - спросил Володенька.

- Я думаю, что три шестьдесят две, - предложил Майк.

- И консервов на всю ночь, - добавил я.

- Нет, я вообще, - сказал Володенька. - Домой, что ли, поедем?

- Я еще пока в отпуске, - сказал Майк.

- Поживем - увидим, - сказал я.

Вскоре мы отправились назад и, конечно же, не с пустыми руками.

Толика мы застали у специально выделенной ему электрической плитки. Он старательно перемешивал свои "зонтики", шипящие на маленькой сковородке. В кухне ощущался необычный запах. Плоткин С. ходил по кухне уже почти как дома, приятельски беседуя с родственниками.

Толик, наконец, объявил, что все готово, и сейчас он докажет, какие мы идиоты, после чего схватил вилку и подошел к сковородке.

- Толик! - закричали мы. - Подумай еще раз!

- Да идите вы!.. - отмахнулся Толик и воткнул вилку в гриб.

- В таком случае, - сказали мы, - мы заявляем официально: иди и напиши нам справку, что мы тебя целый день отговаривали, а ты нас не послушал и отравился по собственному желанию. Напиши, а потом жри свои поганки.

Толик посмотрел на нас, и ему пришло в голову, что мы говорим серьезно. И что-то в нем дрогнуло. И он растерялся. Но отступать уже было поздно, и в наступившей тишине он сунул в рот гриб, разжевал и проглотил.

- А что?.. Нормально... - произнес он, но в его голосе уже не было прежней бодрости и уверенности. - Грибы, как грибы... - сказал он задумчиво уже как бы самому себе.

Он съел еще один гриб и задумался.

- Да, - сказал он затем. - Ну вас всех на фиг!

Он взял сковородку и отправился выкидывать свои "зонтики" под громкое одобрение правительства.

Все-таки, мы его достали. А грибы эти на самом деле были съедобными и на самом деле "зонтиками". Как выяснилось потом.

Ужинать решили по-семейному, на кухне, в тепле и уюте. Грибами с водкою. Все, не спеша, расселись, торжественно разлили по стопочкам, произнесли культурный тост "с Новым годом", нацепили на вилки по грибку, подняли, выдохнули, зажмурились... И тут случилось то, что в народе называют сложным словом "кайфоломство".

В кухню вошла родственница и затем удивила нас чрезвычайно. Все Плоткинские дружественные отношения полетели тут же в трубу вместе с дымовыми газами. Загремела посуда, повалил пар и посыпались искры. Мы поначалу и не сообразили, в чем дело, отчего искры, пар и сердитый звон посуды, а затем послышалось: "Водку пьют!", - и мы начали догадываться, что...

...Летние каникулы дети решили провести в деревне. Родители знали, что дети шаловливы и малопослушны, и не хотели их отпускать одних. Но дети настояли на своем, пригрозив двойками за сочинение "Как я провел лето", и родители согласились, и даже дали денег на дорогу, строго наказав вести себя хорошо и слушаться старших. И дети приехали в деревню. Они действительно были шаловливы и малопослушны: не ночевали дома, гуляли без разрешения, не соблюдали режим дня и ночи. Некоторые даже курили тайком! Родственники огорчались, однако говорили между собой: "Ничего, они же, все-таки, дети! Перебесятся, все пройдет. Нынче все дети не такие, какими были мы, нынче акселерация! Ничего страшного". И в самом деле, дети скоро набегались, напрыгались, набесились, да

и успокоились. Стали ночевать дома, не курить тайком, не шалить. Они стали культурно отдыхать: собирать грибы, ловить рыбу, а по вечерам играть в тихие игры. Они даже стали соблюдать кое-какой распорядок дня... И вдруг! Что это? Как?! На глазах у всех! *Дома*! Нет, этого вынести уже было нельзя. Водку пьют!

И детям сделалось стыдно, чему они тоже удивились. Так, в удивлении, они и выпили по стопочке. И закусили. И все молча. И повторять не стали (кроме совсем непослушного мальчика Миши).

- У меня, - пожаловался Толик, когда мы шли в клуб, - после зонтиков... Что-то в голове... Плывет.

- Ну-ну, - сказали мы. - Играть-то сможешь?

- Смогу.

- Какой год нынче, помнишь?

- Помню...

- То-то.

- Наркоман.

- В следующий раз попробуй мухоморов, - сказал Майк. - На мухоморах, говорят, торчат.

- А на бледных поганках не торчат? - поинтересовался Володенька.

- Попробуй, узнаешь, - предложил Плоткин С.

- Пусть Толик попробует, а мы узнаем.

- Вот отыграем сегодня последнюю игру, тогда пусть и пробует.

- Как последнюю? - удивился Толик. - А потом что?

- Все. На заслуженный отдых.

- На НЕзаслуженный! - закричал Толик. - Ну на хрена мы сюда приехали? А? Грибы с водкой жрать? Э-э-эх!

- А по-моему, хорошо отдыхаем, - сказал я.

- Да, но можно бы и получше, - заметил Плоткин С.

- Я в отпуске, - сказал Майк. - Мне хорошо.

- Все в отпуске, - уточнил Володенька. - Всем хорошо.

- А этот ваш Пин? - спросил Плоткин С. - Он же что-то обещал устроить...

- Т.Пин делает ноги, - ответил Майк, - он уходит в отпуск.

- Не хотят нас тут, - сказал я. - Ни в Париже, ни в городе У., ни здесь.

- А почему не хотят? - сердито спросил Толик, - Все ведь были довольны.

- Ихние команды не хотят. Потому как жлобы. А жлобы, они и в Африке жлобы.

- Наш жлоб - самый лучший жлоб в мире! - сказал Майк.

- Африканский жлоб - друг нашего жлоба, - добавил Володенька.

- Сволочи они все, - заключил Плоткин С.

- Так что, домой поедем? - спросил Толик, и в его голосе послышалась радость надежды.

- Я, вообще-то, не спешу, - сказал Майк.

- А что ты будешь в Городе делать, Толик? - спросил Плоткин С.

- А тут что делать?

- Отдыхать. Ты на природу ездишь?

- Никуда я не езжу, - сказал Толик. - У меня времени нет. Учеба, репетиции эти ваши... И я уже этим летом отдыхал! А... На что мы назад поедем?

- Мне пришлют, - сказал я.

- И мне пришлют, - сказал Володенька.

- Как-нибудь да уедем, - сказал Майк.

После танцев, где мы бесплатно добили местную аппаратуру, мы очутились на веранде, усталые и недовольные. Майк взялся расчерчивать пулю.

- Я понимаю, - печально сказал Толик, присаживаясь на лежак, - вам тут в самом деле хорошо. Всю ночь играете, потом дрыхните до двух часов, потом гуляете и снова играете. А мне что делать?

- Толик, мы все понимаем, - сказал Плоткин С. - Но мы не виноваты, что ты не играешь... Что ж делать-то?

- Да все ясно, - сказал Толик. - Тогда вы мне скажите, мы больше не будем репетировать?

- Отчего же? - сказал я. - свои вещи...

- Ну, это мы и в Городе успеем.

- Между прочим, записываться скоро начнем, - сказал Плоткин С. - Мы там такое придумали... Так что давай, разучивай!

- Да, - вздохнул Толик. - Ладно. А как там насчет рыбы? Вы, вроде, ловили?

- Ловили, - кивнул Плоткин С. - Было такое мероприятие.

- И ничего не поймали?

- Течение там... - сказал Володенька. - Так и сносит, понимаешь...

- И не клевало?

- Да кто его знает? - сказал я. - Погода была не та. И течение...

- Тогда я завтра пойду рыбу ловить, - объявил Толик и ушел.

И нам где-то и как-то было его жаль.

- Не хорошо все это, - смущенно проговорил Володенька, перемешивая карты. - Сдвинь.

- Да уж, - согласился Плоткин С.

- Бедняга, - сказал я.

- Сдавай! - сказал Майк. - Я уже сдвинул.

И по столу зашелестели будущие шестерные, семерные, восьмерные, девятерные, десятерные и мизера, которые, как известно науке, ходят парами.

Будучи на прикупе, вышел я, выражаясь поэтически, на двор.

А на дворе была глубокая ночь. Было такое время ночи, когда спят даже неврастеники. Я посмотрел на небо и в который раз в жизни подивился мощи картины, состоящей из космической черноты и света, который ничего не освещает. Звезды выглядели так, будто к поселку имени Ж.. сверху пристроили гигантскую линзу. Я посмотрел на них и вспомнил, что последний раз я видел такое небо году, этак, в 75-м, осенью, будучи в колхозе на сборе капусты. Той осенью вышел я однажды вечером из барака, опять же по причине малой нужды.

Я вышел по малой нужде, вот так же посмотрел на небо и подивился бесконечности нашей родной Вселенной. А затем случился необъяснимый природный феномен. Прямо-таки круче всех летающих тарелок и снежных гуманоидов. Только я начал избавляться от этой самой нужды, рассматривая иные миры, как с неба, ни с того и ни с сего (со звездного неба!), посыпались крупные теплые дождевые капли. Дождь пошел сразу. Мгновение - и капли стучат по крыше барака и по полиэтиленовому покрытию теплиц с огурцами. Бежать и спасаться от дождя мне, по понятным причинам, было совсем не удобно. Сейчас, думаю, кончится нужда, я и убегу. Но фантастический дождь прекратился так же, как и начался, разом, и *как только* я оказался свободен. В бараке меня встретили радостным ржанием, так как мимо трудового коллектива не прошло незамеченным тот факт, что дождь начался, как только я вышел. Затем он прекратился - и я вошел. Кто-то заметил: хорошо, мол, что нужда была малая, а не большая, - да на этом все и утихло. Но они ведь в бараке не знали, что это был дождь с ясного неба! И длился он ровно столько, сколько я был вынужден.

- У меня есть мысль, - объявил я, когда мы сделали перерыв, чтобы открыть консервы. - Я думаю, что, раз такое дело, и с ноля часов до шести у нас самый разгар жизни и творчества, не перевести ли нам часы на шесть часов назад?

- И что будет?

- Вот, смотрите, - я перевел стрелки на своих часах ровно на шесть часов против их естественного хода. - Володенька, сколько сейчас на твоих?

- Четыре.

- А на моих?

- Десять.

- Назад! Двадцать два часа, то есть у нас уже вечер, часа через два как раз время спать. Поспим до восьми-девяти, как все люди, позавтракаем... А?

Все призадумались.

- Ночи будут теплые и светлые, - сказал я.

- И магазин в пять утра открывается, - сказал Майк, - прогрессивно!

- Да, но и закрывается в час дня, - заметил Плоткин С.

- Значит заранее надо думать, - сказал Володенька.

- И столовая в шесть утра открывается...

- О`кей! Кто сдает?

- Кто сдавал?

- Он сдавал, я заходил.

- Ты сдаешь.

Где-то в полночь, по нашему, местному времени, когда пуля уже была подсчитана, и все собирались на ночлег, явился свежий и бодрый Толик. Он, как истинный рыбак, вскочил в страшную рань, чтобы не пропустить утреннего (по их, московскому времени) клева. По-нашему же, он собрался на рыбалку натурально на ночь глядя, поэтому мы смотрели на него с некоторым недоумением.

- Ну что? - сказал свежий и бодрый Толик. - Пойдем? Родственники лодку дали.

Все хором зевнули и сказали, что уже поздно рыбу ловить.

- Я смотрю, вы уже окончательно... - заметил Толик и покрутил пальцем у виска.

- Ага, - кивнул Майк и зевнул во весь рот.

- Все ясно, - сказал Толик. - Я тогда с дочкой родственников поеду. Покажите хоть, где вы ловили и где Витин перемет?

- Я сплю, - сказал Плоткин С. и уснул.

- Ну, я пошел в сарай, - сказал Володенька и ушел в сарай.

- Вячеслав, вали отсюда, - сказал Майк, - мне спать негде.

- Ну, я пошел, - сказал я Толику. - Перемёт там, на берегу... К колышку примотан.

- Там много разных перемётов, - сказал Толик, - а нам Витин нужен.

- Дочь... А-а-а, - я зевал и пытался остановить вращение земли, - знает, она ме-э-э-эстная. Ну, спокойной ночи, то есть, да...

- Вячеслав! Ты *нехорошо* поступаешь! - рассердился Толик. - Ты *должен* показать нам перемёт!

- А? А-э-эх... раз... тогда и покажу. Куда идти? А, к реке...

К реке я шел со спальным мешком под мышкой, зигзагами, проклиная Толика с рыбой, и росу от которой травы уже, выражаясь поэтически, успели прогнуться, несмотря на то, что уже было за полночь, и это опять было все равно, что идти вброд по мелкой речке.

Показав Толику перёмет, я, наконец, доплелся до сарая, из которого доносился спортивный храп, и, рухнув на спинку дивана, растворился в глубине грядущей ночи, местной, а потому солнечной.

* * *

5. День начался...
...Всякое бывает.

День начался. Согласно распорядку. Завтрак (он же обед). Прогулка на свежем воздухе.

Вечером разразился бунт на корабле. Толик заявил решительный протест нашей администрации в связи с проводимой ею антинародной политикой. Рыбалка, что ли, его доконала?

- Это никогда не кончится! - заявил Толик. - Утром у вас ночь, днем у вас утро, вечером день, а мне что делать? Репетировать мы больше не будем, играть мы больше не будем, и спрашивается, что мне здесь делать? Мы зачем сюда приехали? Вы мне что обещали? Вы мне *бабки* обещали! Мы сюда работать приехали! И... сколько можно? Одно и то же каждый день! Все, вы как хотите, а я завтра уезжаю!

Мы не стали его удерживать.

На следующее утро Толика не стало...

Как сообщила желтая пресса, Толику повезло: его принял на борт проходящий пассажирский лайнер "Икарус".

- Надо же, - удивились мы. - И в самом деле уехал...

И отправились в столовую.

...Толик уже подъезжал к родному дому, и все, что он оставил в поселке имени Ж..- холод, грибы, столовая, пустые бутылки, деревянные тротуары, не познанные шестерные и семерные, луки,

стрелы, хамы со сдвигом во времени - все это уже казалось ему каким-то необыкновенным сном, покрывающимся первой пеленой забвения...

Вот он уже в трамвае, берет билет. Вот он уже у метро. Вокруг толпа людей, гудки, звонки, светофоры, выхлопные газы. Часы на башнях бьют "пик".

Не было Толика в поселке имени Ж..!

Вот он вошел в вагон метро, и ему сказали: "Осторожно, двери закрываются", - а у нас, на другой стороне мира, возникла государственная проблема.

У нас пропали карты. Было две колоды, и обе пропали. Вместе с футлярчиком. Пропали всерьез и надолго.

- Толик взял, - предположил Майк. - На память.

- Толик или не Толик, - сказал Плоткин С., - а фишек нет.

- Придется покупать, - сказал я.

Это родственники, скорее всего, забрали свои карты. Может быть, самим захотелось поиграть. А, может быть, им, наконец, надоело, что каждую ночь на веранде до утра горит свет, а из всех щелей струится табачный дым. В общем, похоже было на то, что, забеспокоившись об экономии электроэнергии в государстве, родственники спрятали от нас нашу любимую игрушку. Или просто в дурака решили перекинуться. Кто знает? В аналогичной ситуации я поступил однажды следующим образом.

Как-то раз я сделался бойцом студенческого стройотряда. Этот стройотряд оказался очень странным. И порядки в нем были установлены какие-то странные, анархические какие-то. Поначалу, конечно, было весело. Любопытно. Стройотряд, анархия, форма с нашивками. Кормят. И т.п. Можно было, конечно, жить. Можно. Но не ночью.

Я в то время, кроме пива, не пробовал ничего такого, можно сказать, вообще. И поэтому мне была непонятна радость большинства бойцов этого респектабельного отряда по поводу того, что в поселке, в котором мы что-то такое строили, продавалась в разлив *бормотуха* по какой-то невероятно низкой, даже для тех далеких времен, цене. Да и само слово "бормотуха" я впервые услышал именно там и долго не мог понять, что имеется в виду под этим словом. И вот, ночью, когда трудовой день вынуждал идти на покой, я шел в барак, ложился на кровать, и начинались страдания. Часть бойцов, убаюканная или вовсе сраженная бормотухой по невероятно низкой цене, засыпала, едва коснувшись подушек. Другая часть (к которой между прочим относился и Плоткин С.) приходила лишь под утро или не приходила вовсе, и тоже не испытывала особых трудностей.

Страдала лишь самая малочисленная, наша группа. И причиной наших страданий была отдельная специальная группа анархистов, которая, угостившись дешевым и доступным напитком, дожидалась глубокой ночи и, дождавшись, плевала на все живое на свете и усаживалась за стол, имеющий несчастный вид, играть *в домино*.

Тут можно и заметить: "Ага! А Толику было каково? То же самое".

И я отвечу: "Ничего подобного!"

Во-первых, Толик мог спать не на веранде, а, скажем, на сеновале или в сарае, что он в конце концов и делал, а во-вторых, как ни лупи картонными карточками о стол, никакого выдающегося звука не извлечешь, тогда как костяшки и эти странные люди, которые рушат ими столы...

Если бы эти придурки играли в бараке хотя бы в дурака, можно было бы особо не мучиться, но эти придурки играли в домино, в игру, глубокий смысл которой мне, видимо, недоступен.

Среди игроков в домино существуют, очевидно, такие законы общения, которые для простого смертного не являются понятными. Мне кажется, что главное правило у них такое: кто сильнее и громче трахнет костяшкой по столу, тот и круче. Общение - как при каменном веке.

- Бац!
- Бац!
- Бац!
- Бац!
- О-го-го-го-го!
- Бац!
- Бац!
- Бац!
- Р-р-р-ыба-а-а!

Ш-ш, ш-ш, ш-ш-ш...

. . . . . .

- Рррррраз!
- Бац!
- Бац!
- Бац!
- Уррра-а-а-а!

Ш-ш, ш-ш, ш-ш...

И так в течение трех-четырех часов подряд. А так как на все живое в мире уже было наплюнуто, то никакие уговоры, угрозы и посылы не имели смысла.

Тогда я принял решение и стал ждать своего часа - очереди дежурства по лагерю. И вот, наконец, дождался.

Когда все ушли на работу, и лагерь опустел, я, с приподнятым настроением, направился к несчастному избитому столу. На столе костяшки раскиданы. Взял я одну, какая мне больше приглянулась, вышел на улицу, отошел подальше от барака и изо всей силы запустил этой костяшкой в белый свет, в поля и леса, чтобы днем, выражаясь поэтически, с огнем нельзя найти было. А потом - бегом на работу.

Вечером стоял нечеловеческий рев. У меня даже мурашки по спине забегали, когда я представил себе, что, если бы они узнали, что это я. Что, если бы кто-нибудь случайно увидел?..

И подумать только! На следующий день они нашли эту самую костяшку! Которую днем с огнем не должны были найти. Уж как это им удалось, до сих пор удивляюсь. Видно, судьба. Нашли они ее и объявили, что если только узнают, кто это так пошутил, того без суда и следствия и так далее. У меня опять мурашки забегали и я пошел к медсестре Манане. Покурили, поговорили за жизнь, и с тех пор я ночевал в изоляторе, в тепле и покое.

Так что... о картах. Всякое бывает.

* * *

6. Как это ни казалось нам далеким и несбыточным...
...И свершилось предсказанное Майку.

Как это ни казалось нам далеким и несбыточным, но наступил-таки этот день. Последний день нашего посещения иных миров. Прошла эпоха! И мы уже стали не те, что были. Мы уже привыкли к местному ландшафту, и он уже не восхищал нас так, как прежде, и никто уже не восклицал: "Я никогда не забуду этой сказочной картины!" Мы уже научились немного понимать инопланетный язык, а терпеливые инопланетяне - наш. Нас уже не удивляло, что понедельник - выходной, что котлеты - с мясом. Мы привыкли, что здесь у нас нет ни газет, ни радио, ни телевидения, ни гонки вооружений, ни энергетического кризиса, ни пивных ларьков, ни водопровода. Мы умывались у колодца, доставая воду из него при помощи инопланетного механического устройства под названием "журавль". Мы сдавали бутылки, и у нас их принимали все и всегда. И это мы тоже уже считали в порядке вещей. Под конец мы окончательно забыли, что приехали сюда играть рок-н-роллы и получать за это деньги, а если бы кто-нибудь у нас поинтересовался, где же Толик, то мы запросто

могли ответить, что такого и вовсе не было. А на вопрос какого-нибудь искателя смысла жизни, мы, в те странные августовские дни, не задумываясь, ответили бы так:

- Под игрока - с семака! За обсдачу - два в гору! А вообще, знал бы прикуп - жил бы в Сочи!

Нет, нам действительно пора было возвращаться домой, пока мы еще верили, что Земля круглая!

Последний, значит, день... А что же было в последний день? А ничего не было в последний день. Ничего особенного, как и во всей этой истории (ха-ха.)

Жаль, что не очень помню...

А! Сдали бутылки. А потом банкет был. Что же еще. Конечно, был прощальный банкет. А начался он при расписывании заключительной пули, под открытым небом, на расчлененном диване, который мы по случаю праздника извлекли из нашего доброго и верного сарая. А закончился банкет, смутно помнится, прощальным шабашем на весь поселок имени Ж..

Уже далеко за полночь. Мы сидим на верандочке. Там наливаем, а чокаться и произносить тосты выходим, почему-то, на главную улицу, на ее середину, под звезды. Там мы громко восхищаемся пустотой улицы и красотой неба, прогуливаемся туда-сюда, а потом снова возвращаемся на верандочку. Там наливаем - и на улицу, под звезды. Потом еще что-то было. Может быть, песни и пляски? Еще какой-то домашний пирог помню. А вот откуда он взялся, помню не очень отчетливо. Вроде как, к кому-то из местных домой за пирогом ходили. Плоткин С., наверное, ходил. Плоткин С. за пирогом куда хочешь пойдет.

Часы мои уже показывали земное время, вещи были сложены, деньги на билеты отложены... Все, что ли?

Дорога! Все назад!

Утром мы сказали родственникам "до свидания", которого они поклялись себе вторично не допустить, и путь наш начался.

Первая остановка - прощание с магазином. Как уже отмечалось, пиво в этих сосновых местах продавалось лишь по большим праздникам, поэтому поправлять вновь пошатнувшееся здоровье пришлось прибалтийским яблочным. По-Майковски, тут же на остановке, не теряя времени даром. Минут за пятнадцать до отбытия автобуса в город У., под действием яблочного в голове у Плоткина С. что-то просветилось, и он объявил, что забыл на верандочке кошелек со всеми нашими сбережениями. Под нажимом коллектива пришлось ему вспомнить, что он футболист, и сделать пробежку туда и обратно общей сложностью около полутора километров, рискуя опоздать. И если бы он опоздал, мы

б ему... Мы б ему два в гору! Следующий автобус в город У. отходил ровно через 24 часа.

Тут же, на остановке, мы впервые увидели милиционера. Мы и не предполагали, что здесь бывают милиционеры, и очень удивились. Милиционер наблюдал за тем, как мы пробуем яблочное, но к нам не подходил, так как понимал, что мы уезжаем, и задерживать нас ему, представляющему интересы местного населения, не было никакого смысла.

Наконец, подали автобус.

Оркестр грянул марш из светлого будущего "Вот, новый поворот", и мы поехали.

Время потекло вспять.

На автовокзале города У. нам спокойно и почти вежливо сказали, что задавать глупые вопросы в нашем возрасте уже неприлично, что никаких билетов на автобус в Город-герой не может быть в принципе.

- Надо было, как Толик, - сказал Плоткин С. - Опять послушали Вячеслава.

- Толик был один, - заметил я, - а нас четверо.

- Стопом поедем, - сказал Майк, - чего там!

- Хиппи, - сказал Володенька.

- Сам такой, - огрызнулся Майк.

- Ты, кажется, в Пестово мечтал поехать? - спросил я его. - Твоя мечта вот-вот сбудется. Да и другого нам ничего не остается.

- А что в Пестово? Ехать бесплатно дают? - поинтересовался Плоткин С. - Опять завезешь куда-нибудь...

- В Пестово есть железная дорога, - сказал я, - и по ней ходят паровозы. И... кстати! На вокзале там есть пивная, как сейчас помню!

- Ты говорил, что и в городе У. пиво продается, - сказал Володенька. - И тоже помнил, как сейчас.

- Поморину треснем, - сказал Майк. - В первый раз, что ли?

- Нет, - сказал я. - Насчет пива - это железно!

Итак, нам предстояло ехать в Пестово, и я думал об этом с содроганием, так как с этим селением, вернее, с его вокзалом, у меня связаны самые мрачные детские *дорожные* воспоминания. И меня не утешало, что прошло уже много лет, и Пестово на картах значится уже с буквой "г". Все, конечно, течет и все изменяется. Все, кроме вокзалов. Вокзалам хоть бы что.

И что же я помнил о Пестово? Давку в очередях за билетами. Страшную ругань. Грязь и неистребимую вонь. Сидение на чемоданах в ожидании, когда это все кончится. Банный гул, застывший в черном воздухе. Каких-то страшных дядек и теток.

Сортир, местный филиал преисподней. Вот, что я помнил, и все это называлось для меня "Пестово".

Автобус заглотил огромное количество желающих ехать на железнодорожный вокзал. Все, конечно, были с вещами. Кто успел занять место в проходе между сидениями, уселись кто на что мог. Среди счастливчиков оказались Майк, Володенька и Плоткин С. Я замешкался, проник в автобус последним и оказался у задней дверцы. Сесть мне было не на что и некуда. Пришлось прилечь на дверцу, да так всю дорогу и ехать в наклонном положении.

Раньше дорога от города У. до Пестово была вымощена булыжником. Нет, не прямоугольной брусчаткой, как в Городе-герое, а натуральным ядреным круглым булыжником, оружием пролетариата.

О! Что это была за дорога! Не знаю, как и описать. Чуть ли не через каждый километр водителю приходилось останавливать автобус - очередная группа пассажиров выскакивала коллективно блевать у обочины. Новый километр - новая группа. И так пока не проблюются все желающие. В салоне автобуса ужасно воняло бензином. Я обычно держался, сколько мог, но булыжник и автобус ГАЗ с единственной передней дверцей, которую водитель открывал, не сходя с места, с помощью удивительного рычажного приспособления, делал свое дело...

Я ехал в большой тоске. Булыжниковая дорога попадалась, правда, лишь иногда, но автобус все равно кидало из стороны в сторону, и мне это кидание приходилось переносить в очень неустойчивом положении, вдобавок из щели в двери на меня *дуло*, и я медленно покрывался жирной дорожной пылью.

Заднюю дверь водитель на остановках не открывал, чем долгое время доставлял мне небольшую радость, но вот, на одной остановке у автобуса объявился благопристойный с виду старичок. Этот старичок пожелал попасть в автобус через заднюю дверь. А так как старость у нас повсеместно уважается, то водитель заднюю дверь и открыл. Я уцепился за что мог и повис над открывшейся дырой.

- Пройдите в переднюю дверь, - попросил я уважаемую старость.- Тут не пройти.

Но старичок оказался не простым. Сделав вид, что он танк, получивший приказ "вперед марш", он буквально прошел сквозь мое пыльное тело, чем зело меня расстроил, после чего я сообщил ему, что он нехороший человек, и при этом хлопнул его по спине, след за чем Танк подал голос, обнаружив сильную нетрезвость, и решил было выяснить, уважаю я его или нет, но тут Майк из

салона громко сказал про него "Мудак!", за чем последовала бурная поддержка всей потревоженной задней половины автобуса. Старик развернулся и продолжил движение по проходу, по узлам, мешкам и ногам.

- Я инвалид, - объявил он неверным языком.

- Все инвалиды, - ответил автобус.

- Я участник! - добавил инвалид.

- Все участники! - не сдавался автобус.

- Ах, трам-та-ра-рам! - Танк ударил по салону из пулемета. - Я, трам-та-ра-рам, инвалид, а вы - трам-та-ра-ра-рам!

Тут с заднего сидения раздался голос справедливо возмущенного пассажира.

- Эй, ты, дед! - сказал он. - Ты вот что, кончай, на х..., при женщинах материться!

- Сильно сказано! - услышал я голос Майка.

- Вот именно! - подхватил автобус. - Кончай это при женщинах!

Но инвалид продолжал двигаться вперед, подальше от агрессивной задней половины, отстреливаясь при этом короткими очередями. Где-то в середине салона до пьяного танка дошло, видимо, что он, зачем-то, сел в автобус. Он заозирался по сторонам, уже механически извлекая из своего героического нутра нецензурные междометия.

Водитель остановил автобус.

- Гражданин! - громко обратился он к инвалиду. - Вам где выходить?

- Это... - сказал инвалид. - Ты давай... Ехай. Где надо, там и выйду.

- Он сам не знает, куда едет! - обрадовался оскорбленный автобус. - Он контуженный!

- Та-ра-рам! - ответил инвалид.

- Если ты не перестанешь ругаться, - торжественно объявил шофер, - я разрешу пассажирам тебя высадить.

Все прокричали "ура", и автобус поехал дальше.

Инвалид помолчал пару минут, но поездка в таком сердитом автобусе и неизвестно куда ему, видимо, надоела, и он снова принялся издавать междометия.

В ближайшей деревне автобус был вновь остановлен, и эта остановка была для инвалида последней. Водитель аккуратно и нежно произвел своему автобусу хирургическую операцию по удалению пьяного органа. Затем водитель прислонил инвалида к ближайшему дереву, сел за руль, и автобус покатился дальше. Через стекло дверцы мне было видно, как опечаленный старик (и ни какой он не инвалид) озирает незнакомые места, и, мне

думается, что домой он попал не скоро.

Ехали мы, ехали, ехали и ехали...
И, наконец, приехали.
И оказались в Пестово.
И свершилось предсказанное Майку.

* * *

7. Так оно и оказалось...
...Конец.

Так оно и оказалось, ничего в вокзале города Пестово не изменилось за десятилетие с лишним. "Время - вещь необычайно длинная", - сказал т. Маяковский. Я с ним не согласен, хоть он и классик. Селение само, да, изменилось. Деревьев понасажалось, домов понастроилось, магазинов понаоткрывалось - невооруженным глазом заметно. А вокзал остался в неприкосновенности, словно его специально берегли как какую-то историческую достопримечательность. Та же вонь и копоть, та же толпа с постоянной вокзальной пропиской. Касса с очередью. Тут, правда, пролетающий прогресс уронил свое перо. Касса была закрыта, но народ возле нее не ломался, как прежде, и не бил, пока, быть может, друг другу лица, а тихо и культурно записывался в специальную тетрадочку.

До открытия кассы оставалось что-то около часа, до отхода нашего предполагаемого поезда - что-то около четырех-пяти часов.

Мои детские воспоминания меня не обманули. Тут же около вокзала обнаружилась пивная. В нее мы незамедлительно и направились.

В пивной народу было мало, мужички угощались пивом и обменивались впечатлениями.

- Хорошее сегодня пиво!

- Да, свежее. Недавно завезли.

- А то я тогда пил, дык у-у-у!

- А сегодня хорошее.

- Дак недавно завезли...

Взбодренные услышанным, мы тут же взяли по кружке и уселись за стол. И, конечно же, отпили по огромному глотку...

- Охренеть можно, - примерно так сказал Майк, нарушив общее молчание.

- Что они, ослиной мочой его разбавляют? - спросил Володенька, морщась.

- Тут ослов не держат, - сказал я.

- Значит, козлиной разбавляют, - сказал Майк.

- Дайте спокойно попить, - попросил Плоткин С.

- А эти вот говорили, что свежее, - сказал я, кивнув в сторону мужичков. - Что же тогда они называют несвежим?

- Эй, мать! - закричал вдруг какой-то энергичный мужик, едва вошедший в пивную. - Пиво сегодня свежее?

- Свежее, свежее, - сказала продавщица без тени лукавства, которое мы ожидали увидеть на ее лице. - Две недели назад завезли!

- О! Тогда кружечку! - обрадовался мужик. - Давно не пил свеженького.

Мы на время онемели.

- Так бы сразу и сказали, - произнес Плоткин С. после онемения.

И мы взяли еще по кружечке.

Пришло время. Майк, Володенька и Плоткин С. отправились добывать билеты. Они отправились добывать билеты, а я остался сторожить вещи. На скамеечке на площади перед вокзалом. Нет, площадь - это сильно сказано. Скорее площадка. Или привокзальный лужок. И они настали-таки, эти тупые вокзальные часы ожидания.

"Время - вещь необычайно длинная," - сказал т. Маяковский, и я с ним согласен, поскольку он классик.

Пару раз приходил Володенька, один раз Майк, рассказывали, что делается на черном свете. А я торчал на привокзальном лужке, как музейный экспонат, выставленный на всеобщее обозрение, не имея возможности куда-либо отлучиться. Обложенный сумками, гитарами, луками и стрелами. С волосами и в бороде. В общем, в центре народного внимания.

На перроне началось нервное движение. Готовился штурм. Все так же, как и десятилетия назад.

Майк с Плоткиным С. отправились в магазины тратить то, что осталось после покупки билетов, а мы с Володенькой расположились на перроне, обсуждая план действий по захвату отделения в вагоне для обеспечения спокойной пули.

Когда толпа зашумела, забулькала и начала закипать, разрешили посадку. Поток из людей, чемоданов и узлов рванулся в открытые шлюзы. Я налегке просочился в облюбованный нами вагон в первых рядах. Вскоре мы уже владели отделением и распихивали вещи по полкам. Пришел Майк.

Плоткина С. не было. Он куда-то исчез. Время ехать приближалось.

- Наверное, в дабл пошел, - решили мы. - Помочится на прощание и придет.

И он действительно пришел, но почему-то с другой стороны вагона, не оттуда, где вход.

- Сидите? - поинтересовался он.

- Вот. Места забили.

- Ну, и зря, - сказал он. - А я соседний вагон забил.

Вагон, в который мы перешли, был почти пуст. Человек пять пассажиров. Две проводницы. Да собака дворняжка. Это был вагон для избранных. Государство в государстве.

Железная дорога... Кто тебя выдумал? Знать... А! Это уже кто-то, вроде, писал. Ну, и ладно. Нельзя объять необъятного. Нельзя объять Железную Дорогу. Хочется мне сказать вам, панове, что такое есть наша железная дорога. От отцов и от дедов своих мы слышали... Впрочем, и это всем известно. И все-таки.

Приехал я как-то миллион лет назад в Москву, стольный город, и надо мне было отбыть срочно в родной Город-герой. Оказавшись на Киевском вокзале, я сразу же поспешил по кольцевой линии метро на Город-геройский вокзал. Захожу я в кассовый зал, и становится мне тоскливо. А когда мне становится тоскливо, то хочется на все плюнуть и изъять из себя предмет тоски. И вот, когда я на все плюнул, то есть когда я плюнул на изгибающиеся и переплетающиеся очереди, похожие на змеиный клубок, стало мне легче и веселей, и решил я, от нечего делать постоять в одной из них. С трудом нашел я конец, хвост, то бишь, одной из змей. Стоял, стоял, стоял... Ближе к окошечку начал примечать, что дела обстоят хреново. Люди просят продать им билеты, а им билеты не продают. Нет, говорят, билетов, хоть вы все хором тресните! И люди эти, между прочим, просят билеты на поезда, которые и меня бы вполне устроили. И люди эти один за другим отходят от окошечка, имея в кармане бесплатную железнодорожную фигу с паровозным маслом. Все было ясно. Я начал спешно вспоминать адреса и имена моих московских родственников, которых я не видел со дня восстания Минина и Пожарского. Пока я вспоминал, подошла моя очередь. Я заглянул в окошечко и произнес фразу, которая оказалась, почему-то, волшебной. Я сказал: "Мне на ближайший до Города-героя". И показал транзитный билет от города Хмельницкого. И тут что-то такое случилось с причинами и следствиями, и мне молча вручили билет. И на самый что ни на есть замечательный и удобный для меня поезд. Оставалось погулять часика два, поглядеть, что делается в Столице, да и назад. Вперед, то есть. Погулял я, посмотрел, что делается в Столице, купил пачку

сигарет "Каравелла" и поспешил к перрону. Перрон. Стоит состав. Номер поезда - мой. Двери открыты, у дверей проводники. Все, почему-то мужчины. Одинокие прохожие с чемоданчиками. И все. Ни толпы отъезжающих, ни толпы провожающих. Я решил, что, наверное, ошибся, но на всякий случай подошел к проводнику и показал ему билет. Проводник заглянул в билет, что-то пометил у себя в блокноте, а затем занялся рассматриванием облаков.

- Что...- спросил я, - можно садиться?

- Ага, - выдавил он, так как ему было все равно.

Я вошел в вагон и обнаружил, что он совершенно пуст.

Я смотрел на свои часы, я прикладывал их к уху, я смотрел в окно, но я так и не понял, что произошло в этом мире.

За пять минут до отправления в вагоне вместе со мной находились пять человек. За минуту до отправления подтянулся еще один. Когда настало время отправляться, поезд отправился. Так мы вшестером и поехали. Судя по разговорам проводников, которые, видимо, также ничего не поняли, в других вагонах было то же самое.

Никогда больше я не ездил в поезде с таким кайфом! По общему соглашению в вагоне можно было курить, сколько влезет. Места - занимай хоть десять сразу (это был "сидячий" вагон). Ко всему прочему, у проводника обнаружилась пара ящиков "Адмиралтейского" пива, и он им охотно торговал. Я попивал пиво, угощался сигаретами "Каравелла", сидя в удобном кресле, смотрел в окно и вспоминал очереди в кассы и несчастных пассажиров с бесплатными фигами в кармане...

Хочется мне сказать вам, панове, что такое есть наша железная дорога. От отцов и дедов своих мы слышали... Как приехал я однажды в ту же Столицу и на тот же Киевский вокзал. На этот раз со мной был и наш Плоткин С. Приехали мы на Киевский вокзал и по кольцевой линии метро и поспешили на Город-геройский. На этот раз не помогла ни волшебная фраза, ни наличие транзитных билетов. И ехать нам предстояло на каком-то дополнительном поезде в общем вагоне и страшно долго. Отправлялся поезд в час ночи. Долго мы шлялись по родной Столице. Устали. Сели на скамеечку. Сидим. Перед нами лужа на асфальте, в луже бумажка в пять рублей плавает. Смотрим мы на эти пять рублей и обсуждаем странности, присущие любимой Москве. Потом мы осмотрели все соседние лужи. В них ничего не плавало. Затем мы отправились на вокзал, пора было ехать домой.

На этот раз на перроне все было наоборот: толпа отъезжающих и провожающих. И отсутствие состава у перрона.

Билеты у нас были в вагон номер один, и мы пробрались в дальний конец перрона. За десять минут до отправления подали поезд, и он оказался составленным из вагонов времен восстановления народного хозяйства. И вот, поскольку на первом вагоне этого состава висела цифра 2, то в этот вагон, разумеется, полезли те, у кого были билеты в вагон номер два. К этому вагону номер два был прицеплен вагон номер три, за ним следовал вагон номер четыре, ну и так далее. Кто-то смело предположил, что, должно быть, вагон номер один спьяну прицепили к хвосту, и все мы, желающие ехать в первом вагоне, бросились наперегонки продираться сквозь толпу к противоположному концу перрона. Но и там мы не обнаружили ничего хорошего. На последнем вагоне уверенно висела цифра 15. Тогда мы все побежали обратно, надеясь, что пока мы бегали, все выяснилось, и первый вагон каким-нибудь образом нашелся. Но за время нашего отсутствия ничего не произошло. Первым был вагон номер два, вторым - номер три, третьим - номер четыре, и так далее до последнего четырнадцатого вагона номер пятнадцать. По расписанию этот удивительный поезд уже десять минут как ехал, в силу чего пассажиры битком набитого вагона номер два, уже успевшие устроиться, приступили к своим пассажирским обязанностям - поеданию котлет, куриц и яиц вкрутую со свежим огурцом. На столиках возникли солдатские силуэты бутылок с пивом и лимонадом. Мы, обездоленные, сиротливо стояли на перроне, а из окон вагона номер два на нас с любопытством поглядывали. Наконец где-то что-то прояснилось, и из темноты показался пьяненький тепловозик, толкающий перед собой вагон времен всеобщей коллективизации и искоренения кулачества. На ближайшей стрелке тепловозик повернул, отчего-то, влево, и, посвистывая, толкая перед собой вагон номер один, исчез за вагоном номер два.

- Промазал!!! - закричали мы с нервной радостью.- Всем было холодно.

Со второй попытки вагон, все-таки, прицепили. Ну а как мы в нем ехали, это уже отдельный рассказ.

И поэтому то, что рядом с заполненным вагоном Плоткин С. обнаружил почти пустой, было вполне в соответствии с лучшими железнодорожными традициями.

Итак, мы ехали.

Пуля шла полным ходом.

Тот, кто был в прикупе, выходил курить в тамбур. С ним выходил и играющий. Двое других в это время думали, как бы подсадить того, кто курит... И так много, много, много раз, со

сменой думающих и курящих...

Поскольку для нашего поезда любой дом с какой бы то ни было вывеской являлся станцией, то он, поезд наш, у каждого дома с какой бы то ни было вывеской и останавливался, и если у такого дома был какой бы то ни было человек, то он в наш поезд садился. Таким образом, пассажиров в нашем поезде поприбавилось. Среди вновь прибывших оказались двое мужиков, которые вошли в вагон на каком-то полустанке и устроились рядом с нами через стенку. Затем они удивительно быстро напились водкой и вскоре захрапели. Плоткин С., пройдя мимо них по пути из тамбура, донес, что мужики находятся в глубоком сне, а на их столике стоит полбутылки водки, которая необратимо выдыхается и пропадает почем зря. Тогда мы придумали и решили, что мужикам уже и так хорошо, а у нас еще полночи и утро впереди... Через минуту справедливость была восстановлена, а пустая бутылка с отпечатками наших усталых пальцев отправилась хранить тайну в проплывающее за окном черное безвременье, в свою вотчину. А мужики так и не проснулись, и больше мы их не видели.

Часам к пяти утра мы дошли до астрономических цифр в горах и пулях. От нас остались лишь простые желания - поесть и поспать. Есть было нечего, поэтому мы решили удовлетвориться вторым.

Мы с Володенькой отправились на верхние полки, а Майк с Плоткиным С. устроились на нижних, и нам не потребовалось много времени, чтобы растаять в кончающейся ночи, последней в нашем мероприятии, а потому - дорожной...

Ночью в дороге со мной происходят иногда странные вещи. Пока поезд едет, я сплю, но как только остановится, тут же просыпаюсь. И не могу уснуть, пока вагон снова не начнет поскрипывать и покачиваться. Так было и на этот раз.

Я проснулся от того, что вагон стоял неподвижно и было очень тихо. Я попробовал уснуть, но ничего не получилось. Я открыл глаза и увидел просыпающегося Володеньку. Он с трудом раскрыл слипшиеся веки и сделался похожим на монголоида. За окном было светло.

- Это что за остановка?.. - поинтересовался Володенька, - Бологое или что?..

Потом он закрыл глаза и начал засыпать.

Я выглянул в окно и увидел перрон. Я посмотрел наверх в надежде найти название станции, но вместо названия станции увидел знакомый навес над перроном.

- По-моему, это Московский вокзал, - сказал я растерянно.

Володенька открыл глаза, выглянул в окно и сообщил, что ему тоже так кажется.

- Опять стоим? - раздался снизу сонный голос. - Какого этого не едем?..

Тут к нам подбежала проводница, находившаяся, судя по всему до этого в полной уверенности, что ее вагон давно пуст.

- Спят!!! - закричала она. - Они спят! Вы, что? Полчаса уже стоим! Сейчас на запасной путь поедем! Все вон!

Мы очутились на платформе. Пустой состав вздрогнул и поплыл прочь.

Мы снова были на другой планете.

Вокруг ходили странные люди, и у них были странные лица. Все они искрились нервной серьезностью, все они спешили и смотрели сквозь друг друга. Они сталкивались друг с другом и не замечали, что сталкиваются, а когда замечали, то говорили слово "черт". Все они шли в самых разных направлениях, каждый в своем и, выражаясь поэтически, их пути пересекались, сходились, расходились, и все это сливалось в одну загадочную многозначительность.

Мы стояли с бесцветными лицами и медленно просыпались.

- Вот, - сказал Майк. - Вроде как, и на гастроли съездили, - и голос его в дыму Отечества приобрел непривычные обертоны.

- А что, - сказал я, ощупывая пустой кошелек. - В кайф съездили...

- Нормально, - сказал Володенька.

- Могло бы быть и получше, - заметил Плоткин С.

- Кто мне даст пятак? - спросил я. - На метро.

Володенька пошарил в карманах и нашел пятнадцать копеек.

- Спасибо, Владимир, - сказал я. - Отдам при встрече.

- Само собой, - сказал Владимир.

Мы еще немного постояли, настраивая себя на новое старое восприятие, затем взяли в руки вещи и пошли вдоль платформы вглубь загадочной многозначительности.

Так закончились семидесятые годы XX столетия.
К о н е ц

1980-1982 г.
Ленинград.

[image]

сидят: Толик, Володенька, Вячеслав; стоят: Плоткин С. и Майк.